

Е. Сорри

О, Камбр!
или Не оглядывайся в полете!..

Екатерина Сорри

**О, Камбр! или Не
оглядывайся в полете!..**

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Сорри Е.

О, Камбр! или Не оглядывайся в полете!.. / Е. Сорри — «ЛитРес: Самиздат», 2003

Далеко-далеко, в одной отдаленной галактике, на планете Силизенда живет-поживает поэт-отшельник Камбр Строфанзен. Как ни странно, у него есть друзья, с которыми он весело проводит свободное от написания гениальных стихов время. А еще Камбр постоянно влипает в истории: смешные, страшные, странные, волшебные...

Глава 1. Знакомьтесь – Камбр

Если, вылетев с Диллы, вы возьмете курс на Альфу Центавра и, пролетев примерно полпути (см. штурманские карты), свернете налево, обогнув Каниду и Занду, после чего, набрав соответствующую скорость, пролетите еще дней пять, то непременно окажетесь вблизи Силизенды. А раз нам туда и надо, то считайте, что приехали.

Честно говоря, такого захолустья, как Силизенда, еще поискать. На всю планету всего один космопорт! От космопорта до ближайшего крупного города лиг 100. Флайтов и фликов нет, одни допотопные кары. Вместо кредитов используют местную валюту – мани называется. А уж о таких благах цивилизации, как ионный душ, базз, чакк и жевательная резинка здесь и слухом не слыхивали. Одно слово – задворки.

Силизендцы, или как они себя называют, дуркане, народ добродушный и приветливый, (возможно, в силу своей удаленности от центра), но со странностями. Любимое их занятие – мирозерцание, чему они предаются со вкусом и беспрестанно, где бы ни находились.

Внешне дуркане не производят отталкивающего впечатления, не то что плонсы или виргуты с Затарелии. А кстати, вы были на Затарелии? Нет?! Много потеряли. Там прекрасная охота. Если желаете съездить, обращайтесь в наш мексиканский филиал МБП, и за каких-нибудь 2000 кредитов вам устроят незабываемое путешествие. Что? Дорого?! Ну что вы! С таким первоклассным обслуживанием! И всего-то 2000 кредитов!.. Согласитесь, это совсем не так много, как кажется на первый взгляд, и, поверьте мне, стоит того.

Но мы отвлеклись. Так вот, дуркане имеют приятную внешность и единственный их недостаток, на наш земной взгляд, – короткие ноги, что, собственно, не мешает им передвигаться быстро, если необходимо, даже стремительно.

Самый крупный город Силизенды, Миска, находится в 500 лигах от космопорта. Построен он на холмах и видом своим действительно напоминает гигантскую суповую миску без крышки. Дуркане весьма гордятся этим и заявляют всем приезжим: «Наша Миска – самая глубокая миска в мире!» Ближайший же к космопорту город ранее назывался Мукезом и славился на всю планету своими чудесами. Про него так и говорили: «Мукез – город чудес». А уж какие были чудеса! О-о-о, закачаешься. Привидения, наваждения, морок – да всего и не перечислишь. Чудеса можно было заказать заранее, а можно было просто приехать и поискать что-нибудь подходящее под настроение. Бывали чудеса добрые, бывали злые, а бывали и настоящие кошмары... Однако недавно, лет, эдак, сорок назад, по местному времени, разумеется, в связи с различными политическими веяниями Мукез переименовали в Дурмунурзад в честь генерала Дурмуна, поспорившего как-то с президентом Сазом на кучку колбасных обрезков, что за три дня он штурмом возьмет город Тихис, ничего в нем не разрушив. (В результате Тихис через неделю сравняли с землей, началась великая Мабрская война, которая длится и по сей день, президента Саза сменил президент Гук, а его, в свою очередь, Данк, Лисс и так далее, собственно, они не оставили заметного следа в силизендской истории, ну а генерал Дурмун вошел туда, как самый азартный игрок, и называть его именем города, улицы и даже школы стало очень почетно.) Так вот, Мукез превратился в Дурмунурзад, и чудеса в нем сразу как-то прекратились. Зато появилась масса военных и всего того, что им так близко и без чего они обойтись ну никак не могут (силизендские военные уж точно): винные лавки, бары, бордели, казино. Так что, решив посетить славный град Дурмунурзад, вы там не соскучитесь, уж это я вам гарантирую.

Но, похоже, мы уже присилизендились или придурканились, ну, в общем, сели. Добро пожаловать на гостеприимную силизендскую землю, Карибское отделение Межпланетного бюро путешествий приветствует вас и поздравляет с благополучным прибытием. Осторожно, осторожно! Не толкайтесь. Все выйдем. Спускайтесь по трапу и собирайтесь у дверей зала ожидания. Прошу Вас, мадам. Прошу Вас. ...Сэр!

Начнем, господа... кстати, все в сборе?.. Все? Прелестно! Итак, обратите внимание, мы с вами находимся у дверей Силизендского космопорта. И вы сразу же можете наблюдать прямо перед собой образчик типичной современной силизендской архитектуры. Как видите, она не очень сильно отличается от земной. Перед вами зал ожидания... Что? Нет, мальчик, это не сарай и не конюшня, это зал ожидания и есть, не перебивай, пожалуйста. Ну до чего раскованные дети пошли... Слева от нас, буквально в трех шагах, представитель местной фауны – петух гамбургский, или гамбургер в просторечьи. Не правда ли, очень мил?! Обратите внимание! Как грациозно вытянуты обе его шеи! Какие мощные лапы! Нет-нет, мадам, не подходите близко, это только на вид он так смирен, а вообще-то он очень свиреп и кусач. Кыш! Курица паршивая...

Справа от нас, в тени кокосовой елки вы можете наблюдать аборигена, предающегося любимому занятию. Погодите-погодите... Неужели?.. Это же не кто иной как... Эй, Камбр! Камбр! Поди-ка сюда!

Посмотрите, господа, как плавно он поднимается, как неторопливы его движения. Ничего лишнего. Лень и расслабленность. Типичный абориген. Вот он медленно приближается. Его глубокие темно-серые глаза задумчиво равнодушны. По-видимому, он еще плохо воспринимает действительность. На тонких губах змеится легкая саркастическая улыбка. Выдающиеся скулы говорят о... гм, ну о скулах как-нибудь в следующий раз... Знакомьтесь, господа. Камбр Строфанзен – местный поэт-отшельник, а по совместительству сторож космопорта.

Как дела, Камбр? Что нового в Дурмунурзаде? Все в порядке? А в Миске?.. Ну, прекрасно! Осень на дворе, а? Переверотов не ожидаете? Нет? Замечательно! А это вот новая экскурсионная группа. С Земли, разумеется, с Земли. Что? Которая за этот год?.. Ха-ха, ха-ха, Силизенда-то пользуется успехом, а?!

Ну наконец-то кар-бас. Опаздываете, милейший. Давно уже должны быть... Прошу вас, господа, прошу... Рассаживайтесь. Сейчас мы поедem в Дурмунурзад. Там мы проведем три незабываемых дня. Осмотр достопримечательностей... Посещение значных мест, ну и так далее. Да, забыл предупредить. У дуркан есть одна премилая забава. Они любят плевать из окон и с балконов по движущимся мишеням. Так что, если не хотите ходить оплеванными, держитесь подальше от домов. Поехали... Пока, Камбр! До встречи.

Глава 2. Как Камбр Строфанзен гонял привидений

Утро Камбр проводил обычно в мирозерцании, лежа под кокосовой елкой и разглядывая проплывающие мимо облака. Облака всегда были мягко-разлапистыми, пушистыми и разноцветными. Проплывая, они беспрестанно меняли форму и цвет, будто подмигивая Камбру. От этого он приходил в восторженно-поэтическое состояние, и стихи просто сами лезли в голову. Они были такие же пушистые и переливающиеся, как облака, Камбру оставалось только слегка причесать их и немного отполировать, чтобы они засияли во всем блеске. Потом, полюбовавшись, он отпускал их, и они вместе с облаками плыли дальше, искрясь на солнце, как драгоценные камни. Некоторые, правда, оказывались несколько тяжеловесными и, повисев некоторое время над Камбром, плавно опускались вниз. Такие он снова полировал или наоборот взъерошивал, распушал, менял их форму и, в конце концов, добивался такой их легкости, грациозности и воздушности, что отпускал уже с сожалением, а когда они, взвившись высоко-высоко, разлетались ярким фейерверком, смеялся от счастья. Ведь он был поэт.

Любование облаками длилось обычно до самого обеда, потом Камбр вставал и занимался чем-нибудь другим, например, подметал дорожки космопорта, сочиняя при этом песни (особенно хорошо в это время получались боевые марши, заказываемые Военной лавкой), или еще чем, мало ли дел у отшельника. Однако сегодня с раннего утра зарядил мелкий противный дождь, и любование пришлось отменить.

Вы, может, думаете, что дождь на Силизенде такой же цветной и веселый, как облака? Ничего подобного. Дождь на Силизенде всегда серый, мокрый, скучный и противный. И все вокруг тоже становится серым, мокрым, скучным и противным. Согласитесь, заниматься созерцанием в такую погоду, да еще под кокосовой елкой, несколько затруднительно, если не сказать больше. А потому Камбр вытащил из сарая свой велодрин, нацепил радужный плащ (он всегда надевает его в дождь, должно же хоть что-то радовать глаз, если вокруг все так уныло) и поехал в старый замок на Бегемотной горе в гости к своему приятелю Руфусу Дринклу Паперсу.

Руфус Дринкл Паперс, старинный приятель Камбра, весельчак и известный мукезский интеллектуал, был, между прочим, достаточно богат, чтобы не работать и жить припеваючи. Вот только совесть, которой у него было в избытке, не позволяла ему этого, хотя природная лень (которой тоже было немеряно), напротив, всячески поощряла.

Жизнь Руфуса протекала в вечной борьбе с самим собой. Иногда верх одерживала совесть, в такие моменты Руфус постоянно был чем-нибудь занят, что-то мастерил или писал, или затеивал нескончаемый ремонт замка, или даже (что совершенно немыслимо) начинал ежедневно ходить на службу в муниципалитет. А иногда побеждала лень, и он пролеживал неделями на диване, покуривая трубочку и почитывая книжечку, причем не какой-нибудь философский трактат, а забойный детективчик очередного модного автора.

Однако чаще всего Руфус, утомленный сварой между совестью и ленью, попросту убивал время, беспрестанно жалуясь окружающим на то, что жизнь проходит и проходит, к сожалению, мимо...

Так Руфус и жил себе в старом замке на Бегемотной горе, что достался ему в наследство от горячо любимого и почитаемого всей округой дядюшки Гласса Паперса Дринкла.

Замок был мшист, лишаист и похож на загорающего бегемота. Все в округе так его и называли: «Бегемотник Паперса» (то ли гора получила свое название от замка, то ли замок – от горы, история умалчивает, достоверно известно лишь, что бегемотов там отродясь не водилось, они на Силизенде вообще не водятся). Руфус же был длиннонос, длиннорук и чрезвычайно лохмат (расчески не брали его шевелюру, парикмахеры рыдали горячими слезами, пытаясь придать ему хоть какое-то подобие респектабельного дурканина, сам же Руфус относился к возне вокруг своей прически довольно спокойно и ограничивался простым приглаживанием и прихлопыванием надоевшей копны волос).

Мшисто-лишаистый, необычайно таинственный и в то же время удивительно уютный замок и длинноносый вечно лохматый Руфус так чудесно дополняли друг друга, что Камбр не мог даже представить себе Руфуса отдельно от замка и замок отдельно от Руфуса. Руфус тоже этого не мог и, не будь постоянных душераздирающих скандалов с самим собой, был бы совершенно счастлив.

Камбр очень любил ездить в гости к Руфусу Дринклу в дождь пить чай с балиновым вареньем. Все утро они бывалочи проводили в философских беседах, чтении Камбровых стихов и аппетитных прихлебываниях чая с неприменными причмокиваниями варенья. Руфус обычно жаловался на жизнь и вконец обнаглевших крокозяблов («Ну, хоть бы ты, Камбрик, устроил на них облаву. Как в прошлом году, хи-хи-хи, помнишь?»). Камбр тоже жаловался... на отсутствие вдохновения и сильную загруженность в космопорте («Ты представляешь, Руфи, на прошлой неделе опять звездолет прилетел. За последние полгода это уже третий! Уволюсь я, ну никакого покоя!»). Замок в это время, поскрипывая и вздыхая, тоже жаловался на застарелый ревматизм и засилье губошлепиков в подвале, и все чувствовали себя при этом немного счастливее. Балина была в меру сладкой и никогда не кончалась, чай согревал душу, и всем троим было хорошо и покойно...

Итак, Камбр старательно крутил педали в предвкушении горячего чая, дождь старательно поливал округу и его расцветающую спину, а велодрин, недовольный погодой, дорогой и хозя-

ином, который, вместо того чтобы в такую погоду дома сидеть, потащился дракон знает куда, скрипел, брэнчал и всем своим видом показывал, что только последний негодяй может погнать его, велодрин, в этакий-то дождь на Бегемотную гору и что ему, велодрину, такой подъем совсем, ну просто совершенно не под силу. Он даже несколько раз попытался сбросить хозяйина и удрать. Однако Камбр маневр разгадал и пригрозил в следующий раз слезть и задать кое-кому как следует. Велодрин обиженно заурчал, перестал брэнчать и начал было набирать скорость, смирившись с явной несправедливостью, но тут под колеса откуда-то сверху скатилось нечто большое и серое. Камбр, резко затормозив, вылетел из седла, и велодрин, почуввав свободу, устремился вниз по тропе, счастливо гудя и потренькивая.

– А-а! Чвакл тебя раздери! – завопил Камбр, поднимаясь и потирая большую шишку на лбу, при этом он добавил еще пару крепких выражений, которые мы из скромности приводить здесь не будем. – Что ты под колеса лезешь! Ослеп что ли?! Сундук гнилой мортошки!

И он уже хотел пнуть этот серый грязный мешок, но тот внезапно выпрямился и оказался Руфусом Дринклом Паперсом, бледным, дрожащим и всхлипывающим.

– Камбр?! Камбрик, это ты?! Как хорошо, что это ты! Спаси меня! Спаси, Камбрик! – запричитал Руфус, хватаясь за Камбра мокрыми руками.

– Да что с тобой?! – мгновенно забыв о велодрине, воскликнул потрясенный Камбр. Он никогда еще не видел Руфуса в таком состоянии.

– П-п-п, – заикался Руфус, – п-п-пр-при-ви-видения. Привидения, – наконец выдавил он из себя.

– Что привидения? – не понял Камбр.

Руфус глубоко-глубоко вдохнул и выпалил единым духом:

– Привидения. Напали. Грозят... разрушить замок, – тут силы оставили его. Он побледнел, рухнул на землю и разрыдался.

– Ну что ты, Руфус! – захопотал вокруг него Камбр, – Ну что ты! Ну успокойся... ну перестань... Да послушай же наконец, как я смогу тебе помочь, если ты все время реवेशь? Я же ничегошеньки не понял!..

Однако уговоры не помогали, Руфус продолжал рыдать, хлюпать, булькать и бормотать что-то совершенно неразборчивое. И тут, о, счастье! Камбр вспомнил, что в кармане его радужного плаща лежит пузырек пружинной водки. Он всегда там лежал на всякий случай. Мало ли что случится. Вот и случилось... Медлить не стоило. Выхватив из кармана заветную мензурку, Камбр быстро опрокинул ее в рот хлюпающему Руфусу. Водка, как обычно, произвела свое магическое действие. Слезы мгновенно высохли, в глазах появился лихой блеск. Руфус вскочил и мячиком запрыгал вокруг Камбра. «Передозировка, вот черт», – с беспокойством подумал Камбр, но, посмотрев пузырек на свет, решил, что ничего страшного, скоро пройдет. И действительно, через пару минут Руфус перестал прыгать и слегка запыхавшийся, но уже спокойный подошел к Камбру.

– Давай рассказывай, что там за привидения, – потребовал тот, снимая с приятеля налипшие листья и колючки.

При слове «привидения» Руфус опять побледнел, содрогнулся, но сдержался (все-таки пружинная водка – отличная вещь) и сбивчиво, заикаясь, беспрестанно оглядываясь и хватаясь за Камбра, рассказал, как вчерашним поздним вечером завалилась к нему толпа привидений во главе с известным всей округе Странником Дулей («Вроде как, в гости, не выгонять же... Да я их и не звал, они сами...») и давай хулиганить: стенать, бить стекла, посуду, хлопать дверями, швыряться мебелью... При этом они орали: «Долой теплокровных! Этот мир наш! Свободу бесплотным! Бей гадов!» Руфус пробовал их уговорить вести себя поприличнее, намекая, что время позднее, кое-кто у себя дома и этому кое-кому пора спать, но они как с цепи сорвались. Нагнали на Руфуса страху и жути («Ты ведь знаешь, как они умеют»), устроили ему кошмарную

бессонную ночь, а под утро вообще вышвырнули из дома, со смехом и гиканьем, пообещав камня на камне не оставить от замка.

– Ты представляешь, Камбрик, они хотят разрушить Бегемотник!.. – растерянно лепетал Руфус. – Ну как же так!.. За что?.. Что я им такого сделал?.. Они сошли с ума... Они просто сошли с ума!.. А я... я всегда так хорошо относился к Страннику... За что?.. За что?!

Огромные Руфусовы глаза вновь наполнились слезами и смотрели на Камбра так печально, что тот сам чуть не разрыдался.

– погоди, погоди! Как это – замок разрушить?! Вот гады! Ну я им задам! – завопил Камбр, приходя в ярость, и, схватив валявшуюся рядом толстенную дубину листотряса, сломал ее о колено, будто это и не листотряс был, а тонюсенькая хворостинка.

– Ох они у меня попляшут! Давно не получали!.. Так сколько, ты говоришь, их там?

– Десять, – прошептал Руфус еле слышно, – а может, и больше, я не помню...

– ?.. ?!. Ого!.. М-да, обычными методами с ними не справиться, – почесал шею Камбр.

Руфус опять начал всхлипывать. Камбр, запрокинув голову, подставил лицо мелкому дождю.

– Вот черт, и велодрин сбежал, – бормотал он, закрыв глаза и слегка раскачиваясь, так ему легче было размышлять. – Теперь пока все бензолавки не обойдет, не успокоится. Алкоголик паршивый.

Всхлипывания усилились.

– Да прекрати, Руфи! – Камбр перестал раскачиваться и повернулся к Руфусу. – Ревни ревни, слезами не поможешь. Думать надо, реветь потом будем...

Руфус преданно посмотрел на Камбра, перестал всхлипывать и, немного помолчав, выдал:

– Камбрик, я еще не успел всем сказать... На прошлой неделе мне телефон поставили. Так что если тебе нужно позвонить...

– Поздравляю, – Камбр рассеянно похлопал Руфуса по плечу, продолжая усиленно размышлять, потом стукнул себя ладонью по лбу и зло рассмеялся.

– Идея! И как это мне раньше в голову не пришло?! Держись, Руфи, я тут кое-что придумал... Все будет в порядке. Попляшут они у нас, ох попляшут... Значит так, иди ко мне и жди, а я поднимусь в Бегемотник, осмотрюсь... Телефон, говоришь? Это хорошо, это оч-чень даже удачно... это мы используем... В общем, все будет динь-динь. Давай топай.

Руфус попытался, было, сопротивляться, в конце концов, это его замок захватили сумасшедшие привидения, и он просто обязан участвовать в освобождении Бегемотника, но Камбр, когда надо, умел быть очень убедительным, и в результате Руфус пошел вниз к космопорту, а Камбр кратчайшей дорогой – наверх.

Не всегда кратчайший путь самый верный, особенно в дождь. В этом Камбр убедился лично, пару раз оскользнувшись и проехавшись на животе вниз, и разок уже возле самого замка влупившись головой в колючий-преколючий проволочник. Подвывая и страшно ругая все привидения на свете, а заодно и Руфуса за нерадивость (не мог, болван, проволочник возле дома выкорчевать, говорил ведь ему), Камбр, наконец, вышел к Бегемотнику. Замок стоял темный, тихий и на первый взгляд вполне мирный. Однако, хорошенько взглядевшись, Камбр заметил разбитое в кухне окно, валяющийся на клумбе стул из гостиной, еще кое-какие мелочи, которые ему очень не понравились... Дверь черного хода, например, вообще исчезла, а веселенькие в солнечных зайчиках занавески украшали теперь не спальню, а старую меднокаменную грушу перед домом...

Камбр осторожно обошел вокруг замка. Никого. Тихонько зашел внутрь, стараясь не шуметь, прошелся по комнатам – никого. Заглянул в совершенно растерзанную кухню – тоже никого. Он уже было подумал, что привидения, опомнившись, удрали, и хотел уйти, как вспомнил про спальню. На цыпочках подкрался к дверям, точно, вся компания была в сборе.

Не меньше десятка привидений расположились кто где: на большой старинной Руфусовой кровати, в креслах, одно даже устроилось на люстре. Камбр узнал четверых, остальные были не знакомы. В центре кровати, свернувшись дымным кренделем, сидел сам Странник Дуля.

Надо сказать, Странник был фигурой колоритнейшей. Во всем Мукезе другого такого было не найти. Да что там Мукез, даже Миска не могла похвастать ничем подобным. Из самого Леденца, славящегося своими привидениями на всю Силизенду, в Мукез дважды приезжали светила оккультных наук специально к Страннику Дуле. Первый раз приехал какой-то профессор, долго о чем-то с ним беседовал, после чего Странник целый месяц ходил важный, не подступись; во второй – приехала уже целая делегация, навезли всевозможной аппаратуры, Дулю исследовать, опутали его всякими проводами, опять вопросы начали задавать. Странник, терпел, терпел, но, в конце концов, возмутился, заявил, что он не подопытный лопушок, а живое привидение и ставить всякие дурацкие опыты на себе не позволит, сорвал с себя провода, аппаратуру по округе раскидал и удрал. После чего профессорам ничего не оставалось, как собрать эту свою аппаратуру, вернее, то, что от нее осталось, и уехать восвояси.

Феномен Странника заключался в его потрясающей активности. Обычные силизендские привидения, что? – стонут, слегка светятся, иногда шатаются по дому и активизируются в основном в новолуние. Странник был не таков. Энергия в нем была ключом, и в пасмурную погоду его легко можно было заметить даже днем. Сидеть сложа руки Дуля не любил. Серой тенью носился он по городу, занимаясь то тем, то этим. Перепробовав всего понемножку, он, наконец, решил всерьез заняться магическими пирамидками.

Магические пирамидки, да будет вам известно, – это весьма увлекательная и чрезвычайно прибыльная для некоторых индивидов игра. Если вы никогда в нее не играли, то мой вам совет – и не пробуйте, останетесь без штанов. Мукезцы же долгое время увлекались пирамидками поголовно. Очень азартный народ. От грудных младенцев до дряхлых стариков все жители города были какое-то время страстными поклонниками этой игры, однако играли в основном на интерес, больших денег не видели, а потому постепенно игра сошла на нет и перестала занимать все мысли и время мукезцев.

Странник подошел к делу творчески, подключил крупный капитал, и у пирамидок, можно сказать, открылось второе дыхание. Страсти, уже подостывшие, закипели вновь. Собственно, деньги Страннику были не нужны (ну в самом деле, зачем приведению деньги?!), его занимал сам процесс. Воспользовавшись непроходимой наивностью мукезцев и быстренько разорив сотни три-четыре добропорядочных граждан, Странник благополучно смылся, а расхлебывать эту кашу пришлось мэру Мукеза. Толпы, осаждающие мэрию с требованием вернуть им их денюжки, желательно и с процентами, довели мэра Клепса, незлобивого, в общем, дурканина, до белого каления, и в припадке ярости он запретил Дуле вообще появляться в городе. Дуля, конечно, страшно обиделся и уже собрался подавать на мэра в суд, но тут произошло знаменитое переименование славного града Мукеза в славный град Дурмунурзад, и о Страннике забыли. Он еще некоторое время шатался по окрестным кабакам, жалуясь всем на неблагодарных мукезцев, крича, что с ним поступили несправедливо и он этого так не оставит, а потом исчез, может быть, подался в Миску, а может, в Леденец, по слухам, там был настоящий рай для привидений. И вот на тебе – объявился, да еще с целой армией.

Вокруг Дули сидели: Синий Монах, Тень Отца, Серая Дама, маленький, еле видный в сумерках спальни дракончик Кляксис, любимец всех мукезских детей и собак, и три незнакомых Камбру привидения, похожих друг на друга, как две (скорее три) капли воды.

– Надо же! – изумился Камбр. – И Кляксис тут, а я-то всегда считал его таким симпатягой... Что же все это значит? Дуля где-то шляется дракон знает сколько времени, а теперь, объявившись, собрал все привидения города... Очень мило... И чего он добивается? Кухню разбомбили... Зачем?..

Камбр прислушался. Дуля вешал, Серая Дама и Синий Монах многозначительно поддакивали; Тень Отца зевала и скрюченным серым пальцем ковыряла в ухе, похоже, ей было скучно; Кляксис играл со своим хвостом, то скручивая его, то раскручивая, и видно было, что он тут просто за компанию и вообще мало что понимает. Остальные бесформенными дымными пятнами висели кто где и то ли слушали, то ли дремали.

– ...И наша святая обязанность, – гнусавил Дуля, – помочь нашим братьям меньшим, заблудшим душам, избавиться от ненавистной телесной оболочки, вырваться на свободу и познать все счастье, всю приятность, легкость и красоту бестелесного существования, а посему нам необходимо предпринять следующее...

«Ну и бред! Странник, видно, совсем ополоумел, – Камбр потихоньку, стараясь не дышать, отползал от двери спальни, – и где это он таких идей-то нахватался? Однако, похоже, он это серьезно. Надо бы его остановить, а то таких дров наломает!.. Нет, ну надо же!.. Спокойно, Камбр, спокойно. Не заводись. Сейчас главное – найти телефон. И где Руфус его прячет?»

Камбр прокрался в гостиную и быстро огляделся. Нет, тут вряд ли, скорее, в кабинете.

Кабинет был вотчиной Руфуса, его Меккой, его раем. Горничные, уборщицы, вообще особы женского пола, коих обычно у Руфуса было пруд пруди, сюда не допускались. В кабинете Руфус убирался всегда сам, а потому в нем царил обычный классический беспорядок или попросту – бардак. Руфус, правда, уверял, что прекрасно в этом хаосе ориентируется, но часто сам нужную вещь искал часами и не всегда находил. Камбр, однако, хорошо изучил Руфусовы привычки, а потому, оказавшись в кабинете, не растерялся, огляделся и начал поиски телефона в самых неподходящих для него местах. Старания его быстро увенчались успехом. Телефон нашелся в маленькой нише, заваленный всяким барахлом. Сбросив тряпки на пол, и обнаружив новенький аппарат, Камбр удовлетворенно потер руки и быстро набрал номер.

– Глюки слушают, – раздался мелодично-дребезжащий женский голос.

– Глюк Хамфри, пожалуйста, – выпалил Камбр, похолодев от мысли, что того нет.

– Секунду, – пропел голос, забавно растягивая «е», так что получилось нечто вроде «сье-э-кунду».

Что-то щелкнуло, и в трубке раздался знакомый хрип.

– Глюк Хамфри у телефона.

– Хэм, это Камбр. Привет, дружище! Слушай внимательно, вопросы потом. Бросай все и дуй к Бегемотнику, да захвати с собой Ограничитель, крейтинку, магнитошплетки, пару напрягателей, разрядник и дротиков, дротиков серебряных возьми побольше.

– Индикатора брать?

– Нет! Тут и без него все ясно, будет только под ногами путаться. И побыстрее, ладно?! Я жду тебя у парадного входа. Если меня не будет, иди в лес, к большому корчужнику подожди меня там. Сам в Бегемотник не лезь. А если меня не будет слишком долго, иди в мою сторожку. Там Руфус, он тебе все объяснит.

– Понял. Пока, Камбр.

Камбр повесил трубку и облегченно вздохнул. Ну вот, теперь можно спокойно все обдумать.

* * *

Минут двадцать спустя Камбр и глюк Хамфри шептались о чем-то в кустах заморозечника, то и дело поглядывая на парадную дверь Бегемотника. Камбр все время ждал, что вот-вот там кто-нибудь появится. И действительно, на крыльце появилась дымная, несколько оплывшая фигура Серой Дамы. Друзья замерли. Дама потянулась, зевнула, прошлась туда-сюда по крыльцу, вглядываясь в темноту леса, силясь разглядеть хоть что-нибудь подозрительное, и наши герои, скрытые лишь заморозечником (осенью какое из него укрытие), почувствовали себя не очень уютно. Однако привидения днем видят плохо, Дама, как ни всматривалась,

ничего, кроме слегка размытых контуров ближних кустов, не увидела. Помаячив для порядка на крыльце, она уплыла в замок, а Камбр и глюк Хамфри, еще немного пошептавшись, разошлись и начали потихоньку обходить замок с двух сторон, разматывая на ходу нечто тонкое и блестящее, похожее на проволоку. Встретившись на противоположной стороне замка, они закрепили эту «проволоку» и слегка встряхнули. С легким шорохом проволока превратилась в тончайшую ячеистую ограду.

Это было не что иное, как знаменитый Ограничитель привидений. Безумное создание некоего силизендского гения, вещь чрезвычайно редкая и не менее опасная. Привидения боялись его как огня. Не знаю уж, как Ограничитель устроен и устроен ли вообще, но только при соприкосновении с ним привидение теряет столько энергии, что буквально исчезает на глазах. Вырваться за пределы Ограничителя не может ни одно привидение, попытки равносильны самоубийству, а вы когда-нибудь видели привидений-самоубийц?

Окружив Ограничителем замок и отрезав таким образом привидениям все пути к отступлению, Камбр и глюк Хамфри, вооруженные до зубов плетками, дротиками и прочими полезными предметами остановились у парадного входа. Камбр, забрав у глюка Хамфри часть снаряжения, остался на пороге, а тот вошел, даже не вошел, а скорее, вплыл в замок и исчез во тьме коридора. Камбр, сдерживая нервную зевоту, застыл у дверей. Его слегка трясло, кончик носа побелел. Впрочем, это могло быть и от сырости. Наконец глюк Хамфри, выплыв обратно, кивнув:

– Порядочек.

Камбр сбросил лишнее снаряжение, внимательно осмотрел свою плетку и крейтинку (для тех, кто не знает: крейтинка – это такая ловушка для привидений, что-то вроде клетки), выдохнул: «Начали», взъерошил шевелюру и, дико заорав, бросился к окну спальни.

– А-а-а! Гады! Бунтовать?! Вот я вам сейчас устрою бунт!

Выбив стекло, он бросил крейтинку на подоконник и, размахивая плеткой, врезался в самую гущу дремлющих приведений.

Привидения с воем и воплями кинулись врассыпную. Однако далеко уйти им не удалось. Стены из-за включенных напрягателей стали для них непроницаемы, а в дверях, корча зверские рожи и поигрывая плеткой, стоял глюк Хамфри собственной персоной. Выход был отрезан.

Камбр вихрем носился по комнате, загоня непокорные привидения в крейтинку. Волосы его встали дыбом, глаза метали молнии, пожалуй, в этот момент он был очень похож на мордворота после зимней спячки или Медузу Горгону (не знаю, как мордворота, а уж Медузу-то Горгону вы себе представляете). Плетка в его руках ходила ходуном.

– Воу, – вопила Серая Дама, уворачиваясь от очередного удара, – пощадите, мы не виноваты!

– Нет! Нет! – вторил хор перепуганных привидений.

– Ах, не виноваты! – рычал Камбр, – а кто кухню разгромил?! Вот вам! Марш в крейтинку! Живо.

– Воу-у, – подвывал Синий Монах, фиолетовой тучкой взмывая к потолку, – это не мы, это все Странник...

– Ах, Странник!!! В крейтинку! Там разберемся!..

Кое-кто из привидений уже сидел в крейтинке, пригорюнившись, слегка потрескивая и светясь от страха голубоватым светом. Остальные разлетелись по комнате и попрятались кто куда.

Камбр, выгоняя привидения из-под кровати, высматривал Странника, но того что-то не было видно...

– Послушайте, ну послушайте, – запричитала Тень Отца, уворачиваясь от очередного удара и перелетая на торшер, – давайте поговорим как интеллигентные люди! Ай!..

– А вчера вечером с Руфусом тоже как интеллигентные люди разговаривали?! Я вот тебе сейчас покажу! Забудешь вообще, как разговаривать! Интеллигентные люди!.. Полезай в крейтину.

– Дикость какая, ой! Мы ни в чем не виноваты. Ай! Это все Странник... Он сказал, что, если мы его, ой-ой, слушать не будем, он нас, ай-ай-ай!.. подождите, он нас уничтожит. Он такой сильный сейчас. Он может... Мы испугались!..

– Мы испугались, – хором подтвердили привидения-тройняшки, высунувшись из-за шкафа.

– Где этот очумелый Странник? – прорычал Камбр.

– Ушел, – пискнул дракончик Кляксис, боязливо выглядывая из-под тумбочки.

Камбр хотел было что-то сказать, но тут Тень Отца, внезапно сорвавшись с торшера, стемительно пересекла комнату и легко прошла сквозь стену в соседнюю комнату.

– Хэм, напрягатель!

Глюк Хамфри уже все понял и бежал к напрягателю. Привидения, почуяв свободу, начали расползаться по всему дому, и Камбр, оставив попытки удержать их, помчался на помощь другу.

– Ну, Странник, – бормотал он, – попадись мне только, только попадись, вот только попадись...

Глюк Хамфри неожиданно затормозил, и Камбр с размаху врезался носом в его железобетонное плечо.

– О-о-ох!

Конечно же, Странник был у напрягателя. Ну кто еще додумался бы? Он висел серой глыбой над несчастным искореженным аппаратом, угрожающе потрескивал и, испуская синие искры, что-то там отвинчивал.

– Брось напрягатель и сдавайся, – закричал ему Камбр, потирая ушибленный нос. – Сдавайся, и тебе ничего не будет!

Дуля ничего не ответил, продолжая возиться с напрягателем.

«Дракон меня возьми, – думал Камбр, подавая серебряный дротик глюку Хамфри, – что он там делает?! Что вообще можно откручивать у напрягателя?»

Глюк Хамфри, тщательно прицелившись, запустил в Дулю дротик. И, конечно же, не попал...

– Ты что, нарочно?! – возмутился Камбр, подавая следующий дротик, – не валяй дурака, кидай как следует.

Глюк Хамфри пожал плечами, принял дротик и, не глядя, метнул его в Странника. На сей раз попадание было точным. Дуля вздрогнул, бросил напрягатель и помчался к выходу.

– Дротики давай! – басом зашептал Глюк Хамфри. – Уйдет!

– Да куда он уйдет?! Дальше Ограничителя не убежит, а там мы его и словим, – заметил Камбр, прицеливаясь и запуская очередной дротик в спину убегающего Дули. Странник придушенно хрюкнул и еще быстрее понесся к выходу.

– Свободу Страннику Дуле! – гнусаво ухал он на ходу. – Свободу всем привидениям мира!

Камбру стало не по себе. Что-то было не так со Странником. Что-то не так...

– За ним! – заорал он. – Лови его! Он свихнулся!..

Но Странника догнать было совсем не просто. Выскочив из Бегемотника, Дуля, светясь и потрескивая, напрямик понесся к лесу, совсем, видимо, не замечая Ограничителя.

– Стой, стой! – в один голос закричали Камбр и глюк Хамфри. – Стой, там Ограничитель. Стой, болван! Погибнешь!

Но Дуля будто оглох. На всех парах мчался он к лесу. Возле самого Ограничителя Странник высоко подпрыгнул, пытаясь перелететь через коварную ловушку, но, увы, ничего не

вышло. Будто магнитом притянуло его к тончайшей сети. Он сразу как-то померк, съежился, но еще пытался вырваться, теряя силы.

– Свобода или смерть! – кричал он. – Дуля умирает, но не сдастся!

Камбр, не отрываясь, смотрел на уменьшающегося Странника.

– Он погибнет! Надо что-то сделать! – Камбр внезапно обнаружил, что изо всех сил трясет глюка Хамфри. – Ну же, Хэм!..

Но тот только пожал плечами.

– Поздно...

– Спасите, спасите его, – стонали привидения, с ужасом наблюдая из окна спальни, как бледнеет и съеживается Дуля, – он хороший, спасите его...

Но было действительно поздно. Странник уже превратился в маленькое бесформенное облачко, а через секунду и оно исчезло, осело серыми каплями дождя на ячейках Ограничителя.

Потрясенные привидения уже безо всякого сопротивления дали загнать себя в крейтинку. А Тень Отца, всхлипывая и причитая, залезла туда сама.

– Ну вот и все, – мрачно сказал Камбр, захлопывая ловушку за последним привидением. – Сидите смирно, а там посмотрим, что с вами делать. Пошли, Хамфри, порадуем Руфуса.

И они пошли вниз по дороге, внимательно смотря себе под ноги, потому что по-прежнему шел дождь, и было скользко и мокро. На душе у Камбра было весьма гадостно, он никак не мог отделаться от дурацкого чувства вины и потери. Чтобы как-то переломить настроение и не слышать ворчания совести, Камбр запел пришедшую ему в голову в этот миг «Славную песнь победы»:

О, Камбр, Камбр!

Ты герой!

За Бегемотник

Ты горой!

И привидения гонять

Опять ты будешь и опять!..

и так далее и тому подобное еще в трех куплетах. Спев таким образом (вернее, проорав, ибо слуха у него отродясь не было, а голос... В общем, гамбургский петух поет лучше. А вы слышали гамбургского петуха?..) «Славную песнь...» раза три, он было начал ее в четвертый, но, натолкнувшись на укоризненный взгляд глюка Хамфри, смущенно замолчал. Однако они уже подходили к космопорту, и навстречу бежал Руфус...

Так вот и кончилась эта история. Пойманные привидения в наказание заставили извиниться три раза перед Руфусом Дринклом Паперсом и отремонтировать кухню, что они с большим удовольствием и выполнили, посчитав, видимо, что еще легко отделались. В припадке усердия привидения даже выкорчевали весь проводочник вокруг Бегемотника, после чего были отпущены на все четыре стороны с пожеланием вести себя хорошо и не шалить так больше. При этом Камбр скорчил самую свирепую рожу, какую только мог (а он был дока по этой части), а глюк Хамфри показал из-за спины магнитоплетку, что, конечно, произвело должное впечатление.

К удивлению Камбра, смерть Странника Дули страшно огорчила Руфуса. Он даже всплакнул.

– Ах, Камбрик! Ты не представляешь, – утирая слезы, говорил Руфус, – какое это было замечательное привидение. Такое интеллигентное, такое доброе...

– Доброе, – фыркнул Камбр, – опомнись, Руфус. Он же тебя из дома выгнал, грозился Бегемотник разрушить!..

– Все так, все так, – согласно кивал Руфус, разливая по чашкам ароматный чай и накладывая в вазочку балиновое варенье, – но все же он был замечательным, просто замечательным. Другого такого не будет никогда...

Глава 3. Как Камбр и его лучший друг глюк Хамфри ловили хрюкозоида Дингла

Это было прелестное утро, нежное, мягкое и бархатистое, как спинка ребенка под ладонью любящей матери. Утро, от одного взгляда на которое хотелось блаженно закрыть глаза и умереть ну или, на худой конец, заплакать. В пору цветения кокосовых елок случаются такие необыкновенные утра. И чем реже они случаются, тем большее блаженство испытываете вы.

Камбр лежал в тени кокосовой елки, вдыхал нежный аромат ее цветов, и счастье переполняло его, легко пузырясь и расплескиваясь вокруг, отчего и без того волшебное утро приобретало совершенно сказочный вид. Такое уж у счастья свойство: приходиться незаметно и преобразовать все вокруг до неузнаваемости. И тут важно не спугнуть его, сохранить в тишине как можно дольше, любуясь, будто драгоценным камнем.

Первобытную тишину космопорта нарушала лишь незатейливая песенка самаритянки, скрывавшейся где-то в густых ветвях бананового дуба, да писк шнырявших вокруг губошлепиков. Легкий ветерок, овеивая Камбра, отгонял назойливых взвизгов. Вокруг порхали розовые и черно-синие лисички. Одна из них даже села ему на рубашку и, настороженно поводя крыльями, принялась с методичностью, свойственной всему ее роду, изучать блестящую пуговицу в виде раковины сполка.

«Надо же, – умильно думал Камбр, – какое необыкновенное, совершенно бесподобное утро. И как славно слиться с ним, даже лучше, раствориться в нем, стать его частью. Ах, похоже, я уже растворился... Вот и лисичка села мне на рубашку. Какая же она хорошенькая, милая, какие у нее чудные крылышки...»

Лисичка тем временем, закончив исследование пуговицы и придя к выводу, что не попробуешь – не узнаешь, вонзила в нее свои остренькие зубки.

– Эй-эй! Брысь! Брысь, тебе говорят! – отогнав лисичку, Камбр огорченно осмотрел испорченную пуговицу. – Н-да, пожалуй, придется перешивать.

Придя к такому неутешительному выводу, он вздохнул и попытался вновь вернуться к блаженному состоянию единения с природой. Но тут бродивший неподалеку гамбургский петух взлетел на крышу космопорта и заорал дурным голосом утреннюю песню всех петухов вселенной. Камбра аж передернуло.

– У, гамбургер, такое утро испортил. Вот погоди, попадешься мне, я из тебя суп-то сделаю, – заворчал он, потом неторопливо поднялся и направился к сторожке рядом с космопортом. Гамбургский петух, сидя на крыше, с опасливым интересом наблюдал за его действиями, вытянув обе свои шеи и крутя хохлатыми головами. Но Камбр уже забыл о нем. Раз созерцание не удалось, можно попробовать заняться чем-нибудь другим. Дорожки космодромные, например, подмести, и желательно под музыку. Включив радио, Камбр было взялся за метлу, но вместо музыки и нежного голоса Тарики Зой услышал занудный голос местного диктора Трепла.

– Ну надо же, как не везет, – огорчился Камбр, – еще и Трепл. Одно к одному.

(Надо сказать, Камбр терпеть не мог Трепла и всегда говорил, что лучше сто раз услышать вопль гамбургского петуха, чем один раз – треп Трепла.)

Все же на сей раз он прислушался.

– ...Повторяем, – зудел Трепл. – Сегодня ночью из зоопарка сбежал хрюкозоид Дингл. Дирекция просит всех жителей города оказать содействие в поимке ценного зверя. Поймавшему и доставившему хрюкозоида в ценности (в целости, кретин, – мысленно поправил Камбр) и сохранности обещана награда – 200 маней. А сейчас передаем передачу с директором зоопарка господином Ляпсом, простите, Лепсом, о жизни диких хрюкозоидов, живущих в диких джунглях Манубарры.

– Ну что за балбес. И как его еще держат?! – Камбр раздраженно выключил приемник. – Но 200 маней, это, однако...

И тут он увидел своего лучшего друга глюка Хамфри, идущего быстро и плавно, едва касаясь земли, по дорожке космопорта.

– Эй, Хамфри, не меня ищешь? – замахал он руками, и глюк Хамфри, повернувшись на зов, улыбнулся и в одно мгновение оказался рядом.

Некоторое время они стояли молча, наслаждаясь встречей, потом Камбр спросил.

– Ты слышал про Дингла, Хэм?

Глюк Хамфри кивнул, становясь коричневым в синюю клеточку (между прочим, любимый цвет хрюкозоидов).

– Я как раз хотел предложить тебе, – заметил он, – поразвлечься: поймать беглеца, а заодно и денежки получить. Думаю, 100 маней тебе не помешают, а?

– Еще как не помешают. А где ты думаешь его ловить?

Глюк Хамфри запереливался всеми цветами радуги, что обычно означало приступ бурного веселья.

– Глупый вопрос, Камбрик. Конечно, в тигровом лесу. Любой уважающий себя хрюкозоид непременно отправится туда. Но сначала пойдем на Мурашкин холм, оглядимся.

– Оглядимся, – Камбр кивнул и, закинув метлу в сарай, направился к дому, – захватим с собой что-нибудь поесть и оглядимся. Кстати, а что любят хрюкозоиды?

– Не знаю, чего там любят хрюкозоиды, а я так предпочитаю рулетики с маком и кофе без сахара. И погорячей, пожалуйста, – заметил глюк Хамфри, стоя у окна и наблюдая, как Камбр роется в холодильнике.

В ответ тот только фыркнул, однако кофе в термос налил, рулетики с маком завернул в хрусткую промасленную бумагу и положил все это в корзинку, где уже лежали горы всякой снеди. Потом он еще немного пометался по комнате в поисках чего-нибудь подходящего для ловли хрюкозоида, подбадриваемый ядовитыми репликами глюка Хамфри вроде: «Вот-вот, именно таким сачком и ловят хрюкозоидов... ты бы еще на бронтокрюкля с ним пошел» или «Ах, какой гениальный ход! Какой полет мысли!.. Может, еще сетку с кровати снять?! Мы хрюкозоида идем ловить или тигра саблезубого?» Наконец в качестве сети был взят Камбров гамак, а заодно захвачена в сарае крепкая веревка, и друзья отправились в путь.

* * *

Мурашкин холм ярким изумрудом зеленел под ласковыми лучами утреннего солнца, и вид с него открывался просто божественный. Слева и справа у подножия серебрились заросли корчужника и морожечника. Впереди полосатыми волнами колыхался тигровый лес. Далеко-далеко у горизонта темной ломаной линией с золотистыми просверками отраженных от стекол лучей солнца, виднелся Дурмунурзад. Золотая ленточка Мерки лишь угадывалась по легкому туману, стелющемуся над водой.

Камбр и глюк Хамфри, уютно устроившись на самой макушке холма, с удовольствием опустошали корзинку с провизией и осматривали окрестности. Налюбовавшись на причудливые узоры тумана над Меркой и четкие контуры космопорта (каждый старался при этом поразить другого остротой зрения, выискивая наиболее мелкие детали. Победил глюк Хамфри, заявивший, что видит гамбургского петуха, только что поймавшего шмыглика, и даже может описать выражение шмыгликовой физиономии, которая, собственно говоря, в данный момент никакому описанию не поддается. Камбр, конечно, не поверил, но побежденным себя признал), друзья решили, наконец, заняться делом. То есть поисками хрюкозоида, разумеется.

– Я думаю, он там, – махнул Камбр рукой в сторону тигрового леса. Глюк Хамфри только пожал плечами, мол, ничего нового ты мне не сказал, и оба начали внимательно изучать тигровый лес. Минут десять они старательно пялились на него – у Камбра даже глаза заслезились от напряжения – но ничего интересного так и не высмотрели.

– Нет, – вздохнул наконец глюк Хамфри, – это бесполезно, только глаза сломаем. Пожалуй, надо полетать.

– Ну, это по твоей части, – буркнул Камбр, доставая из кармана белый в зеленый горошек платок и вытирая набежавшие слезы.

Глюк Хамфри, не говоря больше ни слова (он вообще не любил долгих разговоров), поднялся на самую середину макушки Мурашкиного холма и, взмахнув руками, плавно поднялся в воздух. Легкий ветерок расправил тончайшие, будто оболочка мыльного пузыря, крылья, и они заиграли на солнце всеми цветами радуги. Глюк Хамфри в полете – зрелище фантастическое. Камбр хоть и видел все это сотни раз, все равно стоял совершенно очарованный, запрокинув голову, открыв рот и позабыв обо всем на свете. Да что Камбр! Пугливые мурашки и те не выдержали и, раскрыв свои голубые любопытные глазки, побежали вверх по холму, будто рябь прошла. Холм в ту же секунду из изумрудно-зеленого стал ярко-синим. Камбру даже показалось, что он не на Мурашкином холме, а в центре Синеглазого озера.

– Эй, Камбр, рот закрой! Плюшка влетит, – донесся до него голос глюка Хамфри.

– Ну, что там видно-то, – завопил Камбр в ответ, приходя в себя.

– Сейчас, – прокричал в ответ глюк Хамфри и, взмахнув крыльями, в одну секунду превратился в радужную искру над лесом.

Камбр только завистливо вздохнул. Ах, почему он так не умеет?.. На всякий случай он все же попрыгал на макушке холма – а вдруг получится... Но, разумеется, ничего не получилось, зато мурашки со страху опять крепко зажмурились, и холм снова позеленел. Камбр огорчился и попробовал успокоить глупых мурашек, объяснить им, что он ничего плохого не хотел. Но мурашки слушать его не стали и только крепче зажмурились. Камбр совсем расстроился, уселся прямо на зеленый ковер и стал дожидаться друга. А тот не заставил себя долго ждать.

– Видел! Видел, – прокричал он, внезапно материализуясь прямо над Камбром. – Он в самой чаще, на мячиковой поляне. Мячиков там видимо невидимо. Вот он там и пасется. А со стороны Мукеза, между прочим, прямо сюда идет целая орава бездельников, охочих до наших денежек. Так что надо бы поторопиться. Если не боишься, до мячиковой поляны я тебя донесу.

– Угу, – кивнул Камбр и поспешно добавил, – только не как в прошлый раз. Все ребра мне помял и чуть в болото не уронил.

– Ладно-ладно. Не уронил же... Повернись спиной. Не дергайся, не дергайся, ничего плохого я тебе не сделаю.

– Щекотно.

– Терпи. Ну все, готово. Прыгай на счет три. И!.. раз, два, три!

– О-о-оп! Ух ты! Ого-го-го! Тра-ля-ля-ля! Ого-го-го-го!

– Не ори, лететь мешаешь.

– Так ведь здорово-то как!

– Ты что, первый раз?.. Успокойся, а то как двину по затылку.

Они поднимались все выше и выше, описывая круги над лесом. И у Камбра совсем захватило дух, он только судорожно вздыхал и шевелил губами, как гигантский зеленый дубль, только что вытасченный из воды и еще не успевший одеревенеть. Лес под ними превратился в полосатую распашонку, какие шьют в Мукезе все мамы своим младенцам, и тут они понеслись вниз, стремительно набирая скорость. От неожиданности Камбр опять было завопил, правда, уже не от восторга, а со страху, но, получив по затылку, замолчал и до самого приземления рта не открывал. Они торпедой вошли в самую гущу тигрового леса, едва не врезавшись в здоровенную игольчатую скалку, невесть как пробившуюся к свету сквозь густые заросли тигрошника, но вовремя увернулись и новогодними сосульками повисли на лиане Челмена в двух шагах от мячиковой поляны.

– Ну как? Класс, да?!

Камбр было открыл рот, чтобы ответить нечто длинное, ветвистое и совершенно непечатное по поводу приземления вообще и удара по затылку в частности, но, увидев хрюкозоида, мирно пасущегося на поляне, только мотнул головой.

– Вот он, – прохрипел глук Хамфри. – Слезаем. Ты готов?

– Угм...

– Ну так на счет три прыгаем. Раз, два, три – пошел.

Они прыгнули почти одновременно, и, конечно же, Камбру не повезло. Он приземлился прямехонько в самую середину высоченного мозгляшника. Синие промозглики, несомненно, чрезвычайно обрадованные этим обстоятельством, в мгновение ока набились во все складки одежды, вереща от удовольствия и немилосердно кусая беднягу. Ничего не могло быть хуже. Синие промозглики, конечно, не столь ядовиты, как зеленые, но все же неприятностей могут доставить массу. В таких случаях нужно действовать быстро, и глук Хамфри тут же выволок друга из мозгляшника, после чего Камбра пришлось раздеть и повытряхивать из одежды всех промозгликов до единого.

– Ну вот, теперь я замерзну и заболею, – постукивая зубами, шипел Камбр, пока глук Хамфри смазывал его йодом (йод прекрасное противоядие от укусов синих промозгликов, а они таки успели хорошенько его покусать), отчего тот все больше становился похож на бесхвостого леопарда. Весьма разъяренного, между прочим.

– Чудненько, – любовавшись напоследок, как истинный художник, работой, глук Хамфри заткнул пузырек пробкой. – Лучше бы тебя, конечно, положить в ванну с йодом, но ничего, и так сойдет. Одевайся, чего стоишь пнем.

Камбр не стал медлить. Как-никак осень в Мукезе, хоть и прелестное, но не самое теплое время года.

Все это время хрюкозоид, повизгивая от удовольствия, пасся на другом конце поляны и, похоже, на шорохи в кустах не обращал ни малейшего внимания. Мячиков в этом году уродилось столько, что земли не было видно. Синие, красные, зеленые, в полосочку, даже в клеточку попадались. Редчайшие, замечу, экземпляры. Камбр, увидев такое богатство, чуть про хрюкозоида не позабыл. Еще бы! Не меньше десятка клетчатых мячиков на одной поляне, есть от чего потерять голову. Он тут же пожалел, что не додумался захватить с собой сумку. Клетчатые мячики... Все ведь знают: чтобы пружинная водка обрела необходимую крепость и эффективность, ее нужно не менее 10 дней (лучше более) выдержать в клетчатом мячике, в противном случае это уже не водка, а... Да что я тут распинаюсь! Это ж прописные истины для тех, кто пьет пружинную водку. А кто ж ее нынче не пьет, пружинную водку-то? Разве что грудные младенцы, да и то...

Хрюкозоиду, однако, больше нравились зеленые мячики. Увидев такой, он осторожно подкрадывался к нему, ощупывал хоботом со всех сторон и, придя к выводу, что мячик, пожалуй, можно и съесть, усаживался рядом. Свернув хобот колечком, он вытягивал тонкие ветвистые щупальца, обхватывал ими вожаденный мячик затем, аккуратно сорвав, подносил к глазам и долго рассматривал. После чего быстро-быстро разрывал мячик на мелкие кусочки и запихивал в рот, блаженно подчмокивая и прихрюкивая. При этом он становился ну совершенно похож на любительницу абсента с картины Пикассо. Зрелище непередаваемое!

Однако Камбру и глюку Хамфри было не до того. Уставившись на хрюкозоида невидящими глазами, они держали военный совет.

– Его надо накрыть сверху, – шипел Камбр. – Сверху удобнее всего. Там рядом как раз банановый дуб. Ты на него...

– Не пойдет. Я на банановый дуб не полезу.

– Предпочитаешь тигрошник?

– На тигрошник сам лазай, а я об его шипы обкалываться не желаю. Костюмчик только вчера купил...

– А похоже – сто лет назад... Не хочешь лезть, тогда сам предлагай!

– Тише ты! Орешь, как больной чвакл...

– Сам ты...

– Тсс... Давай сетку натянем у него перед носом. Шуганем, он побежит, запутается в сетке, и все, он наш!

– Не пойму, кого ты считаешь идиотом, его или себя?

– ??! Ну знаешь!

Тут хрюкозоид внезапно прекратил есть, недовольно хрюкнул и, поднявшись на свои коротенькие ножки, направился прямо к нашим героям. Видимо, их шипение привлекло-таки его внимание.

– Ой! Смотри, он идет к нам!..

– Спокойно, спокойно...

– Интересно, Хэм, что ты такое знаешь о хрюкозоидах, чтобы меня успокаивать?

– Честно говоря, ничего не знаю, но, похоже, он травоядный.

– Утешил!.. Бронтокрюкл тоже травоядный. Что-то не много охотников с ним встречаться.

– Скажешь тоже, бронтокрюкл...

– Ох, что-то мне его взгляд не нравится. Может, дернем отсюда, а? Пока не поздно?

– Подумаешь, взгляд... Клинк Донел говорил, что они не агрессивные. А кому об этом знать, как не Клинку. Он же в зоопарке главный специалист по хрюкозоидам. Да посмотри, он же чуть больше Треплова дога... Ты лучше давай сюда сетку. Счас мы его, мигом...

– Ага, мигом, – ворчал Камбр, доставая сеть из рюкзака, – это он нас мигом... Нашел, кому верить, Клинку... специалист тоже. А чего тогда этот хрюкозоид от него сбежал? Клинк! Он тебе наговорит, а ты потом отдувайся... Треплова-то зверюга, как на задние лапы встанет, так с меня ростом, а я, между прочим, не карлик... Сам же говоришь, что этот повыше будет... и потолще, между прочим...

Глюк Хамфри, не обращая внимания на Камброво ворчание, пристраивался в кустах дикой балины с сетью наготове. Хрюкозоид медленно приближался, шерсть на загривке его потемнела, хобот нервно сворачивался и разворачивался, большие мягкие, вислые уши встали торчком и подрагивали от напряжения. И тут... Ну надо же такому случиться... На сей раз крупно не повезло глюку Хамфри. В то время как он живописной статуей застыл в кустах, выжидая, пока хрюкозоид подойдет поближе, мимо по своим змеиным делам ползла куда-то заразочка – местная симпатичная змейка, зеленая такая в синюю крапинку – вполне мирное и совершенно не ядовитое создание, но с громадным шипом на хвосте. Не знаю, для чего заразочке этот шип, возможно, чтобы любопытные дуркане не хватали ее за хвост по чем зря. Насколько известно силизендской науке, заразочки всех видов шипом во время охоты или в качестве защиты не пользуются. Но тут, то ли осердясь, а может быть, в ней проснулось дремлющее до того змеиное чувство юмора, как бы там ни было, но, проползая мимо отключенного зада глюка Хамфри, заразочка, не задумываясь, воткнула в него свой шип. Глюк Хамфри, забыв от боли обо всем на свете, подскочил из кустов чуть ли не на полметра. Хрюкозоид от неожиданности и страха тоже подпрыгнул, потом плюхнулся на коротенькие ножки, мгновенно развернулся и, дико визжа, понесся через всю поляну, только мячики брызнули.

Представляете, картинка получилась? Камбр стоит столбом, хлопая глазами, глюк Хамфри, рыча и страшно ругаясь, прыгает в кустах балины, держась за зад и пытаясь выпутаться из сети, в которой безнадежно запутался, хрюкозоид, визжа уже на ультразвуке и, похоже, ничего не соображая от страха, мчится прямо на высоченную, как скала, стеклянную березу...

«Ой, что сейчас будет, – подумал Камбр и даже глаза зажмурил в ожидании страшного удара. Но ничего не произошло. Хрюкозоид вовсе и не собирался раскраивать себе череп о стеклянную березу. Подбежав к ней, он в один миг взобрался по совершенно гладкому стволу

почти на самую верхушку и только после этого успокоился и перестал визжать. Сразу стало тихо, даже как-то тревожно. Самаритянки и плюшки, напуганные диким визгом и воплями, примолкли, и только серебристые листья стеклянной березы (осень все-таки) нежно позванивали на ветру. Камбр, увидев, куда забрался хрюкозоид, от изумления так и сел. Ну и ну! Такой фокус еще никому не удавался.

Глюк Хамфри, выпутавшись, наконец, из сети, тоже подбежал к березе. Конечно, никто еще не встречал корявых стеклянных берез, но, может, эта – исключение? Он внимательно осмотрел ствол и даже ощупал его, не доверяя глазам. Нет, самая обыкновенная стеклянная береза с абсолютно гладким стволом без каких-либо повреждений. Нечего было и думать залезть на дерево, однако хрюкозоид сидел на самой верхней ветке и, помахивая хоботом, ехидно посматривал вниз.

– Ну и что будем делать? – спросил Камбр, подходя к березе и разглядывая хрюкозоида, устраивающегося в ветвях поуютнее. – Да, кстати, как там наши соперники?

– У нас еще часа два в запасе, – глюк Хамфри уныло ковырял несуществующую трещинку в стволе.

– Н-да... Положение...

– Кто ж знал, что он лазает по деревьям.

– По стеклянным березам, – мрачно поправил Камбр.

– По стеклянным березам, – совсем упавшим голосом прогудел глюк Хамфри и тяжело вздохнул, потирая зад. – Еще эта заразочка...

– Н-да... – Камбр совсем загрустил, но тут его осенило. – А может, его подманить? У меня еще рулетики остались...

Глюк Хамфри решил, что идея не плоха, во всяком случае, попробовать стоит. И следующие полчаса друзья прыгали вокруг березы, похрюкивая и взвизгивая, что, по-видимому, должно было означать «Мы с тобой одной крови...», вопя: «Дингл, Дингл – кушать» и размахивая кусочками рулета. Оба совершенно взмокли, но единственное, чего добились, – хрюкозоид с верхних веток березы перебрался на самые нижние и с интересом разглядывал странных вопящих и пляшущих под деревом двуногих. Пару раз он ловил хоботом рулетики, которые бросал ему Камбр, и, надо сказать, отнесся к ним благосклонно. Покинуть дерево, однако, категорически отказался.

Наконец Камбр, совсем выбившийся из сил и к тому же мокрый как мышь, достал из кармана свой белый в зеленый горошек платок, встряхнул его и хотел уже вытереть пот со лба, да так и замер. Хрюкозоид, издавая нежные воркующие звуки, поспешно спускался с березы.

– Хэм! Он спускается, – придушенным шепотом воскликнул Камбр.

– Что? Боже мой! Что ты сделал?

– Ничего... Платок достал.

– Платок? Дай сюда...

Хрюкозоид тем временем благополучно спустился на землю и, умильно поглядывая на платок, терся о ногу Камбра.

Глюк Хамфри, отобрав платок, отошел шагов на десять и, махнув платком, позвал:

– Дингл, Дингл – сюда.

Дингл послушно подбежал к нему, повиливая хвостиком.

– Сидеть, Дингл.

Хрюкозоид сел, не спуская глаз с платка. Глюк Хамфри медленно перевел взгляд с хрюкозоида на платок, потом на Камбра, потом снова на хрюкозоида. Наконец дар речи вернулся к нему.

– Ты глянь, Камбр! Он же ручной...

– Ага, ручной. Что бы мы делали без этого платочка...

Глюк Хамфри только пожал плечами.

- Как бы там ни было, а денежки, считай, у нас в кармане.
- Погоди, не радуйся. Его еще в зоопарк надо доставить.
- А, ерунда, – беззаботно махнул рукой Глюк Хамфри, – давай веревку.

Некоторое время они возились с веревкой, пристраивая ее на шею Дингла или, вернее, то место, где эта шея могла бы быть. Хрюкозоид при этом мирно пасса, не обращая никакого внимания ни на охотников, ни на их ухищрения. В конце концов, веревку все же надели, оба наших героя вцепились в нее, глюк Хамфри взмахнул платком и скомандовал:

- Вперед, Дингл! Домой!

И хрюкозоид рванул изо всех сил.

Вот это был бег! Если до сих пор вы никогда не болтались на хвосте бешено скачущего хрюкозоида, то вам трудно представить себе всю гамму ощущений наших героев. Но попытайтесь. Представьте себе, что вы участник родео, вместо быка под вами пляшет разъяренный носорог, а рядом носится еще с десяток и всячески норовит боднуть в самое неподходящее место (можно подумать, что есть подходящие для бодания места). Это, конечно, не совсем то, что испытывал Камбр, но очень похоже. Тигрошник с обеих сторон превратился в сплошную полосатую стену, под ногами что-то беспрестанно хрустело и звякало, на голову сыпалось, перед глазами внезапно вырастали то гигантские скалки, то стеклянные березы, то необъятные листотрясы. Каждый раз при виде очередного чудовищного препятствия Камбру казалось – все, это конец, но каким-то чудом они избегали столкновения.

«Да, – думал Камбр, подскакивая на очередной кочке и пытаясь на бегу протереть залепленные грязью глаза, – да, пожалуй, гонки на пьяных велодрюнах по пересеченной местности безопаснее».

Последние полчаса он уже не бежал, а волочился, повиснув на глюке Хамфри, закрыв глаза и мечтая лишь об одном – чтобы это скорее кончилось.

В общем-то, в конце концов, все и кончилось. И даже благополучно. Пробег обошелся без переломов, синяки и шишки не в счет, хрюкозоида доставили в зоопарк и водворили в родную клетку, по сему случаю Клинк Донел лично жал каждому руку, а директор зоопарка сфотографировался с ними на фоне вольера с бронтокряклом и пригласил их на чай. Камбр приглашение принял, но намекнул, что к чаю надо бы и награду. Директор сразу погрузился, стал жаловаться на хроническое безденежье, дороговизну, кризис и отсутствие перспектив.

– Поймите, господин Строфанзен, – говорил директор, потупив глаза и накручивая на палец росток свистящего горошка, – мы вам страшно, невыразимо благодарны за хрюкозоида, но наше финансовое положение... оно, как бы это... поточнее... В общем, мы сейчас на мели. Животных кормить нечем, посетителей мало, сотрудники забыли, когда зарплату получали в последний раз.

- Но, господин директор, ведь вы сами...

– Сам, сам, я все всегда сам. Ну конечно, мы не отказываемся, хотя, согласитесь, двадцать маней для вас...

- Двадцать??!

- Ну да, конечно, двадцать. А вы что думали?

- По-моему, речь шла о двухстах.

– Что? Впервые слышу об этом. Что вы, дорогой! Двести маней за ручного хрюкозоида! Да за такую сумму я сам бы пошел его ловить. Вы просто ослышались, дорогуша. Конечно, двадцать. Двадцать маней, и мы вам с удовольствием их выплатим, вы честно заработали эти деньги... но не сейчас, не сейчас. Приходите через месячишко, или два, а лучше пять...

– Не удалось нам подзаработать, Хэм, – грустно подытожил Камбр, когда они возвращались на космодром. – Да ладно, пойдем хоть чаю попьем. А все-таки мы славно повеселились сегодня, дружище.

- Угу, – кивнул глюк Хамфри, и они понимающе улыбнулись друг другу.

Глава 4. Как Камбр ходил на охоту

Зима в Тамаизе – время скучное, даже тоскливое...

Вот тут, пожалуй, нам стоит ненадолго прерваться и внести кое-какие пояснения, тем более необходимые тем, кто никогда на Силизенде не был, да и вряд ли когда побывает.

Итак, Силизенда – планета земного типа, надеюсь, я понятно выражаюсь, хотя не думаю, что среди моих читателей найдется хоть один гудер, слопс, а уж тем более фрогмент. Последние вообще крайне не любопытны. Совершенно замкнувшаяся на себе цивилизация. Совершенно...

Но не будем отвлекаться. Шесть силизендских материков омывают три океана: Красный, Синий и Зеленый, а Боллу и Чмаки разделяет к тому же огромная пустыня Шиза, которую еще называют четвертым океаном. Но поскольку у нас с вами не урок силизендской географии, все материка, думаю, здесь называть не стоит (если же вы очень заинтересовались этим вопросом, обратитесь к десятитомнику «Силизенда – как она есть», вышедшему в прошлом году, тома с 3 по 5-й, пер. с тапского, под редакцией проф. Визилина, или к двухтомнику «Краткие очерки по силизендской географии, экономике и культуре» проф. Ай. Джеймса и Би. Олдриджа).

Нас же с вами вообще-то интересует третий по счету материк – Элекон, где, собственно, все действие и происходит. С запада он омывается Синим океаном, а с востока – Красным, не знаю, к чему вам все это, но, может, в конце концов, и пригодится.

Элекон, весьма обширный материк, как, впрочем, и все материка вообще (был бы не обширным, назвали б островом), со всем необходимым для жизни: горами, лесами, морями, реками, ну и равнинами, разумеется. Народу в Элеконе масса (Силизенда – вообще населенная планетка), государств – как грязи. Но, повторяюсь, это не учебник географии, не атлас и даже не краткий справочник – нет у меня никакого желания перечислять тут их все. Нам с вами нужна Шара – страна сама по себе удивительная и примечательная, предмет восторгов, поклонения, изумления, ненависти и любви как самих шарцев, так и многочисленных туристов, ее посещающих. Помимо всего прочего, Шара – самое крупное государство в Элеконе, а шарцы – самый непостижимый народ на всей Силизенде (недаром же говорят: «Душу шарца общим метром не перемеришь, в общий горшок не засунешь и дубиной листотряса не перешибешь»). Правда, некоторые злопыхатели, в основном живущие в пограничных с Шарой Мабре, Сттакке и Дезе, называют шарцев не иначе как шарамыгами, шарашниками, а то и шаркунами. Особенно злобствует Мабр. Но шарцы на такие мелочи внимания не обращают, они выше этого, в чем доблестные мабригцы и убеждаются беспрестанно последние лет сорок.

В общем-то, шарцам есть чем гордиться. Столица Шары, Миска, – крупнейший город Силизенды. Единственный в Силизенде космопорт тоже находится в Шаре, чем и объясняют многие злобные завистники неослабевающий к ней интерес туристов. Мол, кроме Миски да космопорта, в Шаре и посмотреть не на что. Но это же совершенная неправда! И космопорт тут вовсе ни при чем. Раза три-четыре в год прилетает на Силизенду туристический корабль (последнее время в связи с возросшим интересом – чаще) да раза два в год приходит межгалактический почтовый. А в основном на космодроме тишина, нарушаемая изредка демонстрациями протеста местных экологов. Они собираются на космодроме, как в Гайд-парке, кричат о глобальных катастрофах, загрязнении окружающей среды ракетным топливом и повышенной радиации от покрытия космодрома и пугают местных жителей сказками о том, что, если в один не очень прекрасный для Шары день какая-нибудь ракета взорвется при взлете или посадке, от Дурмунурзада останется мокрое (или сухое, смотря какая ракета) место. Совершенная чушь! Вернее... м-м-м не совсем... или даже... В общем, если ракета взорвется, так оно и будет, но ведь пока еще не взорвалась.

И космодром, и Дурмунурзад, и все наши герои находятся в одном из центральных штатов Шары – Тамаизе. Ну вот мы наконец добрались до Тамаизы, и все стало ясно. Может,

конечно, и не стоило так долго распинаться на эту тему, а может, наоборот стоило остановиться подольше на описании рек, морей, лесов и гор Шары, ее экономическом, политическом и еще бог знает каком положении. Может быть, может быть... но, собственно говоря, речь-то не об этом, а о том, что зима в Тамаизе – время скучное, даже тоскливое.

Руфус Дринкл Паперс сидел в своем Бегемотнике у окна спальни, смотрел на готовые вот-вот раскрыться бутоны заморозечника и невыразимо скучал. Все праздники давно прошли, друзья поразъехались, в Бегемотнике было тихо и уныло. Камбр уже с месяц носа не казал, с Люкой, очередной своей подружкой, Руфус еще на прошлой неделе поругался, с тех пор она даже к телефону не подходит. Руфус повздыхал и решил еще с неделю выдержать характер, а потом непременно помириться. Собственно, Люка неплохая девчонка. Немного глуповата, но это даже хорошо, мани любит тратить без счета, это, конечно, недостаток... и крупный, но с другой стороны, мани для того и существуют, чтобы их тратить... А так она веселая, заботливая, хорошая, в общем, девчонка... Может, подумать-подумать да и жениться на ней?..

Тишина давила, но встать, чтобы включить радио, было лень, и Руфус продолжал сидеть, уставившись в окно. До ежегодного карнавала еще месяц. Целый месяц серого неба, снега и цветущего заморозечника – от этого кто угодно взвывает...

Он уныло смотрел на редкие, медленно кружащиеся снежинки, на сине-белые бутоны и думал, что такой скучной зимы, как в этом году, еще не было (впрочем, он каждый год так думал), и что на улице слишком холодно даже ездить по магазинам, не говоря уж о прогулке по лесу.

Словно в подтверждение этих его мыслей с легким дили-дили-динь раскрылись бутоны заморозечника, и тот в одно мгновение превратился в сине-белый сугроб. Надо же, на целый час раньше. Руфус взглянул на градусник. Конечно, ничего удивительного, -15. Холодина-то какая. Он поежился, стянул с кровати плед, завернулся в него и опять устроился у окна. А что делать-то? Ну что еще делать? В гости бы кто пришел или позвонил, ведь умереть можно с тоски. Руфус зевнул. Так нет же, все заняты, у всех свои заботы, дела. Никому он, бедный Руфус, не нужен. Никто его не любит, никто не жалеет, крокозяблы и те на голову сели...

Как раз в это время юный крокозябл вышел из леса и с удовольствием начал объедать нежные пушистые цветы заморозечника, по вкусу напоминавшие сливочное мороженое. Руфус, совсем собравшийся немного повить с тоски, при виде столь вопиющей наглости несколько даже растерялся и не нашел ничего лучшего, как, распахнув окно, завопить что-то нечленораздельное и запустить в крокозябла чем под руку попало. Под руку попала ваза старинной чуйской работы, которая, стукнувшись о куст, тут же благополучно разбилась. Руфус выругался, крокозяблик, испугавшись, жалобно заблеял и убежал в лес, а мысли Руфуса приняли несколько иное направление. Крокозяблы, «севшие на голову», давно не давали ему покоя. Целый год он грозился устроить на них охоту, и, пожалуй, момент настал. Руфус с треском закрыл окно. -15! Самое время для ловли крокозяблов. Да и Клинк Донел давно пристаёт, мол, ему просто необходима пара крокозяблов для зоопарка, мол, он без них жить не может, мол, снятся они ему. Вот и прекрасно! Вот и развлечение! Руфус бросился к телефону. Так, первым делом звоним Клинку. Потом... потом...

– Алло, Клинк? Привет, это Дринкл. Ты не слишком занят? У меня тут возникла одна идея... Как? И у тебя?! Смотри, какое совпадение!.. Что? А-а-а... Откуда-откуда? Из Сайды? Ого! А что он тут делает? А, ну да, ну да. Так ты хочешь?.. Ага. Нет, я всегда за. Я сам хотел... А разрешение? О, уже есть? Здорово! Сколько? Ну конечно, меньше чем всемером никакого смысла нет. А кто еще? Кто-кто? Ну ты даешь! А Камбр? Ах и Камбр?!.. Ну да, ну да... А я что говорю!.. Что-что? Трепл?! Да ты свихнулся! Они друг друга терпеть не могут. Он откажется. Точно откажется! А без Камбра это не охота, а маразм. Что? И как ты себе это представляешь?.. Ты в самом деле сошел с ума... Ну хорошо, я попробую... Ладно-ладно. Договорились. Я звоню Камбру, а ты собираешь остальных. И завтра в семь в Бегемотнике... А где? В сторожке? Возле

Тинкиной пасеки?.. Нет... там Мерка не замерзает... Ну, в общем, там? Ага. Ладно, если что, я еще позвоню. Пока.

Руфус положил трубку и слегка подергал себя за волосы. Хорошо. Просто замечательно. Большая охота!.. Здорово!.. Но как уговорить Камбра?..

Камбр сидел дома и творил. Еще в прошлом месяце он пообещал местному издательству новую поэму. «Нечто боевое, лирическое и жизнеутверждающее», как говорил Берри Струпник, его литературный агент. «Да-да. Нечто в этом роде нам как раз и нужно», – вяло соглашались в издательстве. Договор был подписан, деньги выплачены (аванс, разумеется) и уже истрачены, а поэма все как-то не начиналась. Все что-то мешало. Сначала Камбр поругался с космодромным начальством, потом пропало вдохновение, потом еще что-то... В конце концов, терпение у Берри лопнуло, и он пригрозил, что разорвет контракт и Камбру придется платить неустойку. Это подействовало. Камбр засел дома, перестал ходить по друзьям, отвечать на телефонные звонки, перестал даже ходить в ближайший бар пить бирру. За месяц усердной работы поэма продвинулась до половины, но тут дело окончательно застопорилось. Второй день Камбр сидел, тупо уставившись на чистые листы бумаги, в тщетной надежде выдавить из себя хоть строчку. В голове царил вакуум. Мысли разбежались кто куда, и кроме дурацкого

«Вот кот-бегемот

Бегемот ли тот кот?..»

к поэме, понятное дело, никакого отношения не имеющего, выжать из себя не удавалось ничегошеньки. Измучившись совершенно в безнадежной попытке отогнать от себя кота-бегемота, страдалец уже решил было плюнуть на все, пойти и надраться (может же он расслабиться хоть раз в жизни?), как вдруг раздался телефонный звонок. Подумав немного и решив, что хуже не будет, Камбр снял трубку.

– Камбр! Дружище! Как ты там? – услышал он жизнерадостный голос Руфуса. – Что подельываешь?

– Занят я. Поэму пишу, – буркнул Камбр, вдруг почувствовав неукротимое желание бросить трубку, сесть за стол и немедленно закончить треклятую поэму. Но Руфус не унимался.

– Ох, Камбрик! Прости, что помешал! Но понимаешь, тут такое дело... такое дело. Без тебя ну никак не обойтись. Ты нужен как воздух!

– Какое еще дело?

– Ну не хмурься, не хмурься...

– Я не хмурюсь. Ты давай выкладывай.

– Видишь ли, намечается большая охота на крокозябла. Сам понимаешь, без тебя никак! Ну что тебе стоит, Камбрюша!.. Я понимаю – ты занят, но неужели нельзя прерваться дня на три? Да ты только подумай, разве можно работать, когда идет большая охота?..

Камбр почесал шею, что всегда являлось у него признаком крайней задумчивости. И правда, чем идти и надираться в одиночестве, не лучше ли отправиться на охоту?.. Подумаешь, три дня... И, кроме того, разве можно пропустить большую охоту? Сейчас, в самый сезон, когда до карнавала еще недели три, не меньше... Да он себе никогда не простит.

– А кто будет?

– Нет, ты скажи: идешь или нет?

– Да иду, иду. Змей-искуситель. Иду.

– Слово?

– Чего ты пристал? Раз сказал – иду, значит, иду.

– Ну, смотри. А то я на тебя обижусь!

– О, великий дракон!..

– Хорошо-хорошо, я тебе верю. Еще идет Клинк с каким-то иностранцем.

– С каким иностранцем?

- Не знаю. Из Сайды, кажется. Клинк говорил. Я забыл, как его зовут.
- А чего этот иностранец из Сайды делает у Клинка?
- Не знаю. Клинк вечно туману напустит. Встретимся, спросишь. Мне он сказал только, что иностранцу нужны крокозяблы.
- Ладно, а еще?
- Еще Топу...
- Это какой Топу? Я, как минимум, трех знаю.
- Коламеи.
- А-а, директор «Тупла». Хорошо. Значит, с голода не умрем.
- Ага. Не умрем, точно...
- Кто еще? Да что я из тебя все клещами вытягиваю...
- Еще Чоли Тронкл.
- Ну да?! Сам мэр? С каких это пор он увлекся охотой?
- Почем мне знать! Ты, однако, вопросыки задаешь!.. И вообще идея не моя, а Клинка, и гости тоже его.
- Это уже становится интересным. Ну а седьмой кто? Зам. Тронкла, Смайк или шеф ЛБ (Лавки безопасности)?
- Седьмой – Трепл.
- ...!!
- Камбр, ты обещал!
- Руфус!.. Ты негодяй! Провокатор! Ты старый облезлый мордovorot! Ты грязный чвакл! Ты хуже безмозглого бряклика!.. Чтобы я, да...
- Камбр! Ты – обещал!..
- Ну хорошо, обещал... Но имей в виду, это в последний раз. В последний! И, кстати, ты мне тоже кое-что пообещай.
- Что угодно, – от радости Руфус только не плясал вокруг телефона. – Что угодно, Камбрик. Для тебя всегда пожалуйста... В любой момент...
- Пообещай мне, любезный Руфус... что будешь отгонять от меня этого негодяя Трепла, а то я за себя не ручаюсь! Понял?!
- Понял-понял. Не беспокойся Камбр, ты его даже не увидишь, я постараюсь, – Руфус несколько сник. – Собираемся завтра в сторожке лесника возле Тинкиной пасеки в семь часов.
- На велодрине туда проедешь?
- Вообще-то проедешь. Но лучше на скинтере. У меня двухместный и с багажником, отлично уместится. Я за тобой заеду в пять. Жди. Ну пока?
- Пока, Руфус.

В пять Руфус уже нервно расхаживал по Камбровой квартирке, перекладывая с места на место различные мелкие предметы, попадающиеся под руку, в ожидании, когда Камбр кончит завтракать, и они смогут выйти. От чая Руфус категорически отказался, а болтать ему Камбр запретил, сказав, что хочет в последний раз поесть в тишине и покое. Руфус готов был разорваться от напряжения, ожидание сводило его с ума, он должен был немедленно сломя голову мчаться сразу во все стороны. Камбр же, как назло, собирался медленно и обстоятельно, и от этого Руфус буквально сходил с ума. Наконец все было готово, друзья подхватили мешки, луки со стрелами и вышли из дому.

Еще не рассвело и нежно-фиолетовое ночное небо гигантским аметистом сияло над ними. Тонкий серп Оды поблескивал над горизонтом, готовый вот-вот скрыться. Невидимые же лучи Хайаны пронизали все небо, и оттого оно переливалось всеми оттенками фиолетового, словно драгоценный камень.

Камбр, вдохнув холодный зимний воздух, застыл на месте, любуясь небом и пытаясь найти знакомые созвездия. Мелкий Мордovorot был почти не виден в сиянии Хайаны, зато Крупный отыскался легко, а с ним рядом и Лисичка. Он попытался было найти Парусник Дракона, но, похоже, Хайана была сегодня в зените. Невидимое ее сияние вызывало причудливую игру света и теней аметистового неба, казалось, некий великан крутит его в руках, подставляя к свету то одной гранью, то другой. Голова у Камбра закружилась, и он поскорее опустил глаза. Руфус нетерпеливо топтался у скинтера. Камбр поправил лук за спиной, перехватил поудобнее мешок и бодро двинулся к машине.

Вообще скинтер мало чем отличается от велодрьна. Разве что наличием багажника, полозьями вместо колес да куполообразной полупрозрачной кабинкой. В характерах их, правда, имеются существенные различия. Скинтеры более покладисты, легко приручаются и, как правило, не имеют дурных привычек. Встречаются, правда, скинтеры, которые любому велодрьну дадут сто очков вперед, но что за правила без исключений?

Скинтер Руфуса был чрезвычайно хорошо воспитан, бензина не употреблял (даже по праздникам, а уж на работе – ни-ни) и к своим обязанностям подходил очень ответственно. Единственной его слабостью была любовь к научно-фантастическим романам, которые он читал запоем, а потом радостно пересказывал хозяину. Руфус относился к этому философски. Должен же быть у его скинтера хоть один недостаток.

Как только вещи были уложены, а приятели уселись поудобнее, скинтер, приняв команду, взял нужный разбег и, урча двигателем, забормотал что-то о черных мрякликах, вероломно напавших на Силизенду и пытающихся установить мировое господство. Про мрякликов Камбр уже слышал и не раз, а потому под мерный гул и бормотание задремал и очнулся только, когда в дремотном сне великолепный Ган Бой, непобедимый герой всех времен и народов, перестал «мочить» направо и налево кровожадных мрякликов, а повернулся к Камбру и забубнил: «Приехали, бип-бип, приехали, бип-бип». Открыв глаза, Камбр убедился, что они действительно приехали. Рядом, зевая и потягиваясь, оглядывался Руфус.

– Ну что, пошли?

Они вылезли из скинтера, и пока Камбр вытаскивал вещи, Руфус, забрав оружие, направился к сторожке. Навстречу уже спешили Клинк и Топу Коламеи – толстенький и кругленький, будто хорошо промасленная булочка, одетая в защитный комбинезон и капюшон, подбитый тигровым мехом. Ростом Топу явно не вышел, Камбру едва доставал до плеча. Клинк же, напротив, длинный, худой, как циркуль, был высок даже для дурканина. Поговаривали, что он не чистокровный дурканин, а отдаленный потомок трогалоров, и, мол, круглые глаза и острый нос, совершенно не типичные для дуркан – явное тому подтверждение. На что Клинк всегда очень обижался, заявляя, что он самый что ни на есть дурканин и к трогалорам никакого отношения не имеет... В общем, если хотите «поразвлечься», наемкните Клинку Донелу на его тогалорское происхождение...

Клинок тоже был в комбинезоне с капюшоном, правда, подбит тот был не тигровым мехом, а ляпистым. На крыльце сторожки маячила странная фигура, но Камбр не успел ее как следует разглядеть. Как ураган налетел на него Топу Коламеи, схватил оба мешка и потащил их вместе с Камбром по тропке к дому, непрерывно болтая, причем, как всегда что-то жуя, отчего разобрать нельзя было ни единого слова.

Руфус в это время что-то быстро говорил Клинку, непрерывно размахивая руками. Клинок согласно кивал, стараясь не попасть под Руфусовы «грабли». Странная фигура застыла на крыльце как изваяние.

Поравнявшись с Клинком, Камбр, насколько это было в его силах, притормозил Топу и спросил, мотнув головой в сторону крыльца:

– Ты что, Клинок, решил украсить сторожку скульптурой?

Клинк, смущаясь, краснея и непрерывно извиняясь, объяснил, что это и есть гость из Сайды, что он (гость) никогда на охоте в Тамаизе не был и страстно желает посмотреть, а кроме того, ему (гостю) совершенно необходима пара крокозяблов для императорского зоопарка. Выдав все это, Клинк обернулся к скульптуре и призывно замахал руками. Изваяние ожило и через мгновение раскланивалось со вновь прибывшими.

Гостя звали для Шары странно и непривычно – Н'гви Да-Хо. И поначалу все, кроме Клинка, немного растерялись, не зная как к нему обращаться, но тут выяснилось, что гость прекрасно владеет шарским и будет просто счастлив, если новые друзья станут звать его Нойком. Да-да, просто Нойком. И без всяких церемоний.

Камбр решил, что Нойк вполне симпатичный парень, несколько смугловатый, даже, скорее, черный, но в Сайде, говорят, все такие. Круглыми глазами он напоминал Клинка, а тонкий крючковатый нос придавал ему сходство с трокласом, хищной птицей в здешних краях редкой и очень красивой. Пожалуй, слегка портил его рот. Большой с очень тонкими в ниточку губами он казался чем-то чужеродным. Одет был сайдист не в защитный комбинезон, как принято на Большой охоте, а в черные шаровары и куртку цвета раздавленного помидора, что, конечно, было совершенно невозможно. Руфус и Топу немного поострили по этому поводу, а Клинк сказал, что Нойк мог бы отпугивать своим видом крокозяблов и не давать им уйти за реку. На что Камбр вполне резонно заметил, что пугалом быть не так уж и интересно, а кроме того, место это уже занято.

– Кем это? – подозрительно посмотрев на Камбра, поинтересовался Руфус, но ответить тот не успел, так как к сторожке подъехал еще один скинтер, черный с серебряными молниями по бокам. Черная же с серебром кабинка приподнялась, и из скинтера выскочил шустрый, весь, как майский шест, увешанный фото- и прочей аппаратурой, Трепл, а за ним, с грацией мордворота, неторопясь вылез Чоли Тронкл, мэр Дурмунурзада.

Чоли Тронкл – любимец мукезских дам, почетный член десятка благотворительных обществ и попечительских советов, меценат, гурман, знаток силизендской истории, богатый человек и просто мэр – несмотря на некоторую обрюзглость и намечающуюся лысину, был все еще очень хорош собой. В серебристо-черном комбинезоне и капюшоне из серебрянки он выглядел чрезвычайно эффектно. Трепл тут же начал фотографировать его со всех сторон.

– Господин мэр, пожалуйста, ручку на капот, – восклицал он фальцетом, – повернитесь, господин мэр. Ах, ах! Чудесно. Восхитительно! А теперь улыбнитесь, поправьте лук, нахмурьтесь...

Клинк поспешил навстречу мэру, волоча за собой Нойка, а Руфус потянул Камбра в сторожку.

– Пойдем-пойдем. Хватит мерзнуть.

Камбр помахал мэру рукой, соорудил Треплу мерзкую рожу и только после этого дал себя увести.

В сторожке было тепло и несколько дымно. Топу всюю уже хлопотал у стола. Мешки Камбра и Руфуса были свалены в общую кучу у стены в коридоре. Камбр повесил лук на первый попавшийся гвоздь, отыскал свой мешок и, порывшись, выудил оттуда бутылку хряполки.

– А?! Ну-ка, ну-ка... вот она, родная, – он поднял бутылку с розовато-перламутровой жидкостью к свету, затем водрузил ее стол и пихнул Топу локтем в бок. – Ну как? Первый сорт!..

– Да, ладно, – отмахнулся Топу, – сейчас кар-бас из ресторана придет, там чего только нет.

– Ну уж хряполки-то нет, – обиделся Камбр. – Где нынче приличную хряполку возьмешь?.. А эта, сам видишь, – жемчужина.

– Хряполки, может, и нет, – согласился Топу, – зато есть пружинная водка. Высший сорт. 30 клеточек и с добавлением тертого корня стеклянной березы. Это тебе как?!

– Это лучше под занавес, удачную охоту отметить, – встрял Руфус.

– Отметим-отметим. До конца охоты еще дожить надо. А пока хряпки хряпнем, брякликом занюхаем – хорошо...

– Эй, ребята, – послышался голос Клинка, – тут машина с продуктами прибыла. Мы как, разгружать будем или назад отправим?

Все высыпали из сторожки. Руфус побежал загонять скинтеры в сарай. Остальные выстроились на разгрузку. Пока трудились в поте лица, Трепл прыгал вокруг, фотографируя мэра за работой и указывая каждому, что делать да как стоять. И до того он всем надоел, что, когда Камбр, совсем нечаянно, уронил его головой в сугроб, никто этого будто и не заметил.

Из сугроба Треплу удалось выбраться только к концу разгрузки. Сердобольный Руфус подоспел и помог, а то он до сих пор бы там барахтался. Кар-бас уехал, и все пошли, наконец, в сторожку греться и пить чай.

Это только так говорится «пить чай». На самом деле стол был накрыт по-королевски. Нет, чай там тоже присутствовал, но как-то терялся в многообразии яств. Голодная и замерзшая компания уничтожила все это великолепие в один присест, будто бронтокрюк прошелся по столу или стая мордovorотов налетела. После чего всем так захорошело, что даже Камбр примирился с присутствием Трепла и перестал кривиться от звуков его голоса.

Компания расположилась в плетеных креслах, попивая чаек и покуривая, отчего в сторожке дым стоял столбом. Между делом обсудили детали предстоящей охоты. Мэр Тронкл предложил использовать новый крокозяблый манок, а Клинк – более эффективные усыпительные стрелы. «С такими стрелами даже чвакл не страшен» – похвастался он. «Ну уж ты хватил – чвакл» – загалдели все, а Топу предложил вообще сомнительных новшеств не использовать, а ловить крокозябла по старинке – арканом. Однако тут же выяснилось, что, хотя аркан – это, конечно, замечательно, но никто из присутствующих (даже Топу) им не владеет, после чего вопрос об арканах как-то сам собой отпал.

Немного поспорили о подручных средствах, стоит ли их использовать на охоте и насколько это этично по отношению к крокозяблам, но после некоторых глубокомысленных высказываний Клинка и не менее глубокомысленных – мэра решили, что, все-таки, можно, но злоупотреблять не стоит.

Постепенно дискуссия заглохла. Чай был выпит, трубки выкурены, каждый занялся своим делом. Камбр вспомнил, что неплохо было бы разработать план действий. Топу с озабоченным видом рылся в кладовке. Руфус подсел к мэру, тот достал карту, и оба уткнулись в нее. Клинк начал убирать со стола, а Нойк взялся ему помогать. Трепл тихонько задремал в кресле.

Сонную тишину нарушил Топу, с торжествующим воплем вынырнув из кучи барахла и держа в руке как знамя радиотелефон. Все уставились на него, Трепл с перепугу чуть с кресла не свалился, а Топу, не обращая ни на кого внимания, уселся в углу в обнимку со своей находкой и что-то заурчал в трубку.

Камбр, придя к выводу, что сидя в кресле плана нормального не составить и придется идти на разведку, велел Клинку бросать все дела и отправляться. Нойк тоже вызвался идти. Камбр хотел было возразить, мол, Нойк местности не знает и вообще на охоте в первый раз, но потом подумал, что хуже не будет, и отпустил обоих.

Разведчики, подобрав себе тапки (род местных лыж) из кучи сваленных в сарае, отправились в лес. Топу, наговорившись по телефону, принялся за уборку. Камбр подсел к мэру и Руфусу, а бедняга Трепл оказался не у дел. Спать ему расхотелось, попробовал помогать Топу, но разбил две чашки, и Топу сказал, что без помощников вполне обойдется. Хотел присоединиться к изучающим карту, но Руфус очень противным голосом попросил не сопеть над ухом. Пришлось уйти. Пошатавшись по комнате в поисках занятия, Трепл наткнулся на луки. Что за мысль посетила его буйную голову непонятно, но он аккуратно снял один лук, осторожно вытащил стрелу, прицелился и выстрелил.

Целился он, как потом клялся и божился, в окно, но стрела, с тихим свистом пролетев над головой мэра, вонзилась в висящую на стене громадную картину. Картина не стерпела столь вольного с собой обращения и рухнула вниз, осыпая всю троицу (Камбра, мэра и Руфуса) мелким стеклом и краской. Лук у Трепла из рук вывалился, да он сперепугу еще и ногой на него наступил. Треск сломанного лука, однако, совсем потерялся в грохоте и проклятиях.

– Я ведь предупреждал! – вопил Камбр, вытаскивая мэра из под обломков картины и одновременно показывая Треплу кулак.

– Ничего-ничего, – бормотал мэр, – все в порядке, все обошлось.

– Трепл! – кричал Руфус, силясь перекрыть ругань Камбра. – Ты что, убить нас хочешь?! Скройся с глаз моих немедленно!

– Он еще у чвакла интервью возьмет, вот увидите, – рычал Камбр, – или у мордovorота, отвечай потом за него...

Руфус зафыркал, Топу, немало наслышанный о выдающихся способностях Трепла, тоненько захихикал в кулак, а мэр Тронкл с интересом посмотрел на несчастного. Тот начал было что-то бормотать в свое оправдание, но тут Камбр заметил сломанный лук и новый взрыв ругательств потряс сторожку.

– Этот Трепл, этот ... – гремел Камбр, – этот недоразвитый хрюкозоид!.. Сгинь отсюда, а то я за себя не ручаюсь. Иди в сарай, тапки подбери! И не вздумай там сломать что-нибудь!.. Ой, держите меня, я его сейчас!..

Трепл не стал дожидаться, когда Камбр вырвется из рук Топу и Руфуса и скрылся в сарае. Руфус пошел присмотреть за Треплом, а Камбр, все еще кипя негодованием, принялся помогать Топу убирать осколки и обломки картины.

– Ах, какая картина была, – вздыхал Топу, – еще Взбрык Артинсон рисовал, когда приехал сюда лечиться.

– Что ты говоришь, – удивился Камбр, – сам Артинсон? Не может быть?! Сколько ж ей лет?

– Ну, лет пятьдесят, не больше, – заметил мэр, разглядывая обломки лука. – Не все так безнадежно, кстати, его еще можно починить.

– Кого?

– Да лук. Что касается картины, то, да, наверное, можно что-нибудь сделать, не знаю... Позвоню в Симбу, там сейчас живет внук Взбрыка, Арт, тоже художник, кстати. У него, вроде, есть связи в реставрационной мастерской. Поможет. Так что вы поаккуратней с останками.

– О, господин мэр, – взволнованно прижал к груди куски рамы Топу, – я буду Вам так признателен! Если получится...

– Получится, получится, – махнул рукою мэр Тронкл и, не обращая ни на кого внимания, занялся сломанным луком.

Разведка вернулась поздно. Уже стемнело, в сторожке зажгли свечи, и Камбр нервно расхаживал по комнате, когда наконец за дверью раздались голоса, и в домишко ввалились совершенно вымотанные и замерзшие Клинк и Нойк.

Нойк, скинув ботинки, тут же со стоном повалился на диван и был явно не расположен отвечать на какие-либо вопросы, а Клинк, отдышавшись и отогревшись, подсел к Камбру и начал обстоятельно рассказывать где, что и как. Остальные окружили их и внимательно слушали.

Картина вырисовывалась не слишком обнадеживающая. Нет, следы крокозяблов были и во множестве. Но план охоты не выстраивался. Никак. С одной стороны – Мерка. Клинк говорил, что они с Нойком видели маленькую стайку крокозяблов, но те, учуяв их, тут же перебрались на другой берег. Значит, надо у реки устраивать засаду. С другой стороны – болото. Туда лучше не соваться. Свежие следы чвакла как-то не располагают, а, кроме того, на западной окраине болота Клинк видел след бронтокрюкла, правда, старый, недельной давности, но все

равно, бронтокрюк – это плохо. Это просто отвратительно. Если объявится, всю охоту испортит. «Да-а-а, – размышлял Камбр, почесывая шею и тупо уставившись в карту. – Вот ведь, драконий зуб, положение...» Наконец он принял решение.

– Значит так. К Мерке пошлем двоих. Пусть сидят в засаде и отгоняют крокозяблов от реки. А сами – веером вдоль болота. Далеко на болото не заходить. Опасно. Все сходимся у сторожки в конце дня. Засада действует по обстоятельствам. Все ясно?

Охотники утвердительно закивали, а Топу, почесывая кончик носа, спросил:

– А кто в засаду пойдет?

Камбр обвел всех взглядом: Нойка, приподнявшегося на локте, Руфуса, мрачно-насуспенного и взъерошенного, мэра, все еще ковырявшегося с луком, Клинка, вобравшего голову в плечи и застывшего в напряженном ожидании, Трепла, отвернувшегося к окну, Топу, печально разглаживавшего салфетку на столе, и тяжело вздохнул.

– Может, кто-то хочет?

Топу последний раз разгладил несуществующие морщинки на салфетке и сказал.

– Ну что тут, Камбр, долго гадать. Конечно, я пойду. Бегать быстро я не могу. От меня любой крокозябл уйдет. Стрелять на бегу я тоже не мастер. А в засаде хоть прицелиться можно.

– Что ж, – кивнул Камбр, – согласен. А вторым пойдет Трепл. Топу – человек рассудительный и за Треплом присмотрит, в случае чего. Ладно. А теперь хватит разговаривать, ужинать надо и спать.

Стол накрыли быстро. На ночь решено было не наедаться, а потому ограничились бутербродами, салатом, бутылкой хряполки и тарелкой брякликов для занюшки.

Надо вам сказать, дорогие читатели, не знакомые с силизендскими обычаями, что дуркане водку и иные крепкие напитки (ту же хряполку, к примеру) не закусывают, а занюхивают. Для этого-то и служат бряклики. Бряклик, вообще, живность безвредная, безмозглая, совершенно несъедобная, но обладающая отменным запахом, будто нарочно созданным для занюхивания: что-то вроде заскорузлого, хорошо промасленного рукава старого пиджака с примесью чеснока и соленых грибов, слегка тронутых плесенью. В общем, запах тот еще.

Существует, однако, масса разновидностей брякликов: с очень резким запахом, более мягким (дамский бряклик), острым, с примесью дихлофоса, хлороформа или сероводорода. Наконец один умелец даже вывел бряклика, в аромате которого можно было уловить запах подгнившей балины и незрелого ключика, но знатоки считают, что это уже не то. Это уже извращение. Бряклик, есть бряклик. Выпил, занюхал... хор-р-рошо!

Что ж, хряполка была выпита, бутерброды съедены, и повеселевшие охотники принялись травить байки. Камбр вышел ненадолго в сарай подобрать себе тапки, а когда вернулся, в центре внимания был Трепл. Весь вечер он помалкивал, стараясь не привлекать внимания, но тут не выдержал. А поболтать Трепл любил, ох, любил! Когда Камбр вошел он как раз рассказывал свою любимую байку про то, как однажды охотился на бронтокрюка, и уже дошел до драматического момента столкновения с чудовищем нос к носу... Он даже на стол вскочил и руками развел, показывая, какой величины был бронтокрюк, но тут, заметил Камбра, сник, слез со стола и, пробормотав, что остальное доскажет завтра, нырнул в спальный мешок. Камбра Трепл побаивался, а после сегодняшнего неудачного выстрела вообще предпочитал избегать.

– Что это он тут вам втюхивал? – фыркнул Камбр. – Как бронтокрюка ловил?.. Наслышаны, наслышаны...

Трепл съежился и претворился глухим.

– Он бы лучше рассказал, как с мордоротом здоровался, когда в берлогу к нему полез... интервью брать... Ладно, ребята, кончай трепаться, спать пора. Завтра вставать рано. Крокозяблы ждать не будут.

Ранним утром, когда за окном еще непроглядная темень, когда так сладко спится и не хочется никуда идти, Камбр, которого все равно мучила бессонница, принялся расталкивать Топу. Тот поднялся на удивление быстро, правда, долго зевал, потягивался и ворчал, что в такую рань не то что крокозябла, захудалого чвакла не сыщешь, спят все. Но все же умылся и, разбудив Трепла, принялся готовить бутерброды на всю ораву.

Бутерброды были сделаны, а Трепл еще не поднялся. Мало того, он, похоже, опять уснул! Камбр не стал с ним церемониться: стянул одеяло и без всякой жалости вылил на безмятежно спящего Трепла ковш ледяной воды.

– А-а-а!.. воу-ау-ой-ой-ой... чтоб ты провалился!.. Чвакл вас раздери! Вы что, офонарели?! – подскочил мокрый Трепл.

– И так будет с каждым, – спокойно заметил Камбр, довольный эффектом.

С Камбром ругаться было опасно. Потому Трепл, проглотив обиду, пошел собираться. Остальные, разбуженные его дикими воплями, тоже не стали залеживаться. К тому времени, как Топу и Трепл ушли, все были уже на ногах. Долго возились со снаряжением. Потом еще раз уточнили маршрут и, наконец, когда верхушки скалок засветились серым, а последние лучи Хайаны засеребрили снег у крыльца, посылая прощальный привет наступающему утру, высыпали наружу.

– Морозно, градусов 15, – заметил мэр.

– Хорошо, – кивнул Камбр. – Погода благоприятствует.

Руфус зябко ежился, потирая руки. Клинк что-то шептал на ухо Нойку, наверное, последние наставления, потому что Нойк кивал с очень серьезным видом и озабоченно похлопывал себя по карманам. Нойка, кстати, успели переодеть, и теперь он ничем не отличался от бывалых охотников в таком же как у Клинки комбинезоне, чуть ему великоватом, и с капюшоном, подбитым ляпистым мехом.

Охотники выбрали каждый свою тропку и разошлись. Некоторое время Камбр еще видел Руфуса, их пути шли почти параллельно, но вот и он скрылся за взгорком. Камбр остался один. Со всех сторон его обступали тигрошник и хвойные скалки, листотрясы, корявыми чудовищами вставали на пути. Внезапно, как привидения выступали из рассветного сумрака черные стрелы стеклянных берез. Камбр проехал сквозь арку, образованную нависшими над тропой плетями бананового дуба, и остановился.

Напротив, совершенно его не замечая, стояли два прехорошеньких крокозяблика, еще очень юных и наивных, видимо, родившихся этой осенью. Один из них, чуть постарше, с темно-рыжей гривкой и черными копытцами, весь в желтых кудряшках, помахивая черным пушистым хвостиком, осторожно объедал по краю куст морожечника, второй, помоложе, напротив, гладкошерстный, черный с рыжими пятнами на боках и рыжей забавной мордочкой, встав на задние лапки, пытался передней достать самый верхний и на его взгляд самый вкусный цветок.

Камбр замер, любуясь крокозябликами и радуясь охотничьей удаче: ну надо же, только отъехал и, пожалуйста, сразу два крокозябла. Потом осторожно потянул стрелу из колчана... И тут подул ветер. Легкий такой ветерок, но крокозяблы сразу учуяли охотника и дали деру. Камбр мысленно помянул всех родственников дракона до седьмого колена и понесся вдогонку.

Юные крокозяблы оказались чрезвычайно шустрыми, и Камбру пришлось немало попотеть, прежде чем он смог приблизиться к ним на расстояние выстрела. Он уже приладил стрелу и прицелился, надеясь, что хоть один-то из этой парочки будет его, но тут между ним и крокозябликами, подняв тучу снежной пыли, пронеслась какая-то тень. От неожиданности Камбр так и сел в сугроб.

Когда пыль улеглась, крокозяблики исчезли, словно растаяли в лучах неяркого полуденного солнца. Зато вместо них на большом сугробе, совсем рядом с Камбром, сидел громадный крокозябл и показывал ему язык.

Камбр сразу оценил – это был великолепный экземпляр. Сильное гибкое тело и массивные лапы были покрыты короткой вьющейся шерстью песочного цвета с большими темно-рыжими подпалинами на боках и за ушами. Глаза обведены черными ободками, крупные уши в форме лепестков бракка чуть прижаты к голове, выдавая опытного вожака. Громадные клыки сверкали золотом. У Камбра аж дух захватило от такой красоты.

Крокозябл тем временем неторопливо, даже как-то лениво поднялся, потянулся, повернулся к Камбру хвостом и словно нехотя поскакал по сугробам. На прощание он обернулся и снова показал язык. Этого Камбр уже стерпеть не мог. Ему бросали вызов! Он вскочил и помчался вдогонку.

В общем-то, погоней дальнейшее можно было назвать чисто условно. Камбр выбивался из сил, стараясь хоть как-то приблизиться к зверю, а тот в два прыжка сводил на нет все его усилия, и все начиналось сначала. Бросить погоню Камбру не позволяла гордость. Как это так, какой-то крокозябл, пусть даже столь выдающийся, может оказаться сильнее его... А тот, похоже, издевался над охотником.

Сначала Камбр преследовал крокозябла. Ближе к полудню выяснилось, что это крокозябл преследует Камбра, и, наконец, когда тот совсем выбился из сил и расстрелял все свои стрелы, крокозябл совершил некий маневр, после которого Камбр оказался по уши в снегу, одна тапка повисла на кусте морожечника, а другая торчала как флаг в соседнем сугробе.

– Бряклик занюханный, – в сердцах сказал Камбр, выбираясь из сугроба и отплеиваясь, – чтоб ты пропал.

Крокозябл не на шутку обиделся. В самом деле, так хорошо играли, и на тебе... Он грозно зарычал, демонстративно показал Камбру хвост и... исчез, буквально растворился в дымке наплывавших сумерек.

Камбр огляделся, пытаясь определить, где находится. Паршивый крокозябл! Еще и заманил в самое сердце Большого болота, как раз куда соваться не следовало бы. Он повздыхал, собрал тапки и поплелся к сторожке.

Идти пришлось долго, соблюдая осторожность (поблизости могли быть чваклы, да и с серебрянкой сейчас встречаться не стоило). К сторожке он подошел, когда уже почти совсем стемнело. У крыльца топтался Руфус.

– Ну как дела? – участливо спросил он, видя, как Камбр, прихрамывая, подползает к сторожке. Тот только рукой махнул.

– Неудачно, слишком опытный попался, похоже – вожак... А что другие?

– Мэр поймал серебрянку...

– Ну да?! Здорово!

– Ага, он сам не ожидал. Клинок с Нойком поймали по крокозяблу. Мне тоже повезло. Правда, пришлось побегать... А Трепл Топу ногу прострелил...

– Дракон его задери! Говорил ведь... Сильно поранил?

– Нет, ничего. Обойдется. Топу, правда, злой, как мордovorот весной, все грозился Трепла прибить... так тот теперь в сарае отсиживается, боится.

– Правильно делает. Куда зверье-то дели?

– Да там же в сарае и сложили. Они все еще сутки будут спать, если не больше.

– Ладно, можно считать – охота удалась. Надо это отметить.

Довольный Руфус часто-часто закивал головой.

– Конечно! Там уже все готово, тебя только ждем. Давай заходи. Только... знаешь что... ты бы с Топу поговорил, а? Ну, чтобы он на Трепла не очень... А?

– Ох, Руфус, миротворец!.. Ладно уж, поговорю, зови своего Трепла. Не век же ему в сарае сидеть...

И Камбр шагнул на крыльцо.

Глава 5. Как Камбр с приятелями отмечал удачную охоту.

Что и говорить, Топу постарался на славу. Посреди сторожки стоял огромный стол, уставленный всевозможными яствами, – всем, чем славилась кухня «Крылатого тупла» и от чего даже у сытого дурканина разгорелись бы глаза и потекли слюнки, а уж у голодного, каковыми были наши охотники, и подавно.

В центре стола на громадном блюде покоился великолепный копченый друбл. Всех оттенков шоколадного цвета, посыпанный мелконарезанным синим блистиком, украшенный кружочками розового стука, он был шедевром кулинарного искусства и только что не просился сам в рот. Между прочим, не думайте, что это так легко – закоптить друбла, да чтобы его еще при этом можно было есть. Зеленый друбл – рыба невероятно капризная, нежная, чуть недоглядишь, он уже и одеревенел. А деревянный, сами понимаете, ну кому он нужен... Однако этот был поистине шедевром.

Рядом на тарелочках аппетитно расположились кусочки фигурно нарезанной стаккской колбасы, сиреневые сполки, украшенные ярко-оранжевыми веточками смайкла и липсы, дрожали в перламутровых раковинах, по краям стола слева и справа высились горки свежайших брякликов, в серебряных блюдах ждали своего часа закрученные спиралью флякусы, в прозрачной вазе покоились маринованные ключики, рядом, впритирку, стояло блюдо с копченым хлюпсом, нарезанным до того тонко, что сквозь него можно было смотреть, как сквозь стекло.

Это, кстати, большое искусство – нарезать хлюпс так тонко. И заметьте, чем тоньше ломтик хлюпса, тем он вкуснее. Толстый кусок вообще в рот взять невозможно – противно. Зато тончайшие ломтики приобретают изысканнейший аромат и вкус. В знаменитой на всю Силизенду Мискской академии поварского искусства существует даже курс «Нарезание хлюпса тупым ножом в походных условиях», и без десятки по этому курсу нечего даже думать о приличном дипломе и престижном месте.

Помимо всего перечисленного, на столе еще в совершенно невообразимом количестве стояли блюда с жареными на вертеле плюшками и вертушками, рагу из спичек, мисочки со строганиной и запеченным мясом клюкла и, конечно же, во множестве деревянные плоскочки с сыром. Ни одно застолье в Дурмунурзаде, Тамаизе, да что там, во всей Шаре не обходится без сыра. Если на столе нет сыра – это не праздник. А посему всевозможные сыры украшали наш стол. Был тут и мабрский соленый сыр, от одного взгляда на который уже хотелось пить, и отфирский острый, посыпанный сверху пряным гором и жгучей сизой чицей, и мягкий, нежный, тающий во рту соллский, пушистый от серой плесени Бригтс и коллекционный Атмар с прожилками зеленой плесени, горький с запахом серы «Смерть Дракону» и даже совершенно невероятная на вкус, пахнущая цветущим миндалем, редчайшая в этих краях «Слеза богини».

Фрукты, все, что можно вырастить в теплицах Тамаизы, и все, что привозят в это время года из жарких Сайды, Ллова или Дрармны наполняли громадные вазы. В маленьких хрустальных вазончиках скромно прятались за своими экзотическими соседями местные деликатесы: маринованные сливы забвения и виноград счастья. Ломтики меднокаменной груши украшали бокалы с коктейлями, на дне которых таинственно и заманчиво светились прозрачные рубины паутиной вишни.

А напитки? Ну конечно же, хрустальные, аметистовые, изумрудные графины, графинчики и графинюшечки с любимыми напитками наших героев были тут в изобилии. И обещанная Топу коллекционная пружинная водка, и «Серебряный трубач», по вкусу отдаленно напоминающий хороший арманьяк, и «Старый магистр» – помесь джина с бренди с добавлением кукурузного виски, и «Рог крокозябла» (что-то среднее между рисовой водкой и коньяком, пить только горячим) в термосах, и отличные десертные «Палли», «Моро» и «Звездный мальчик», коктейли всех мастей, начиная с «Милашки Сью» и кончая убойным «Шизнутым кроликом», и великолепный «Мистер Хайд» десятилетней выдержки, один запах которого способен свалить замертво, и огнедышащий «Золотой дракон»... Что, недостаточно? Да этого количе-

ства напитков хватило бы, чтобы мертвецки напоить роту храбрых шарских гвардейцев, не то что семерых охотников. Хотя, надо, конечно, признать: способности у наших героев по части еды и питья весьма выдающиеся...

Слева в углу, скромный и незаметный, притаился до поры маленький столик, заставленный упаковками с «Доктором Джекиллом», долженствующим приводить в чувство упившихся до состояния полной невменяемости охотников или спасти их на следующее утро от болезни, знакомой во всех уголках вселенной, где водится разумная жизнь, и которую многие двуногие считают хуже смерти, проще сказать – от похмелья.

Таков был этот стол, торжественный, шикарный и одновременно скромный и непритязательный, долженствующий поставить точку в нынешней охоте, еще более порадовать удачливых и помочь запить и заесть свое горе неудачникам, стол, в обустройство которого Топу вложил все свое умение и вокруг которого сейчас в ожидании ходили кругами голодные охотники.

Войдя в сторожку, Камбр был встречен радостными воплями.

– Юп-юп, предводителю, – провозгласил мэр. Остальные весело подхватили: «Юп-юп! Юп-юп! Юп-юп!» Камбр смутился и растрогался одновременно.

– Да что вы!.. – бормотал он, попадая из одних объятий в другие. – Да зачем это...

Потом он увидел стол. Сердце его забилось чаще, усталость и горечь сами собой улетучились куда-то в предвкушении приятной ночи. Однако он помнил о Трепле и огляделся в поисках Топу.

– Камбр, мы ждем только тебя. Скорей переодевайся, очень есть хочется, – затормошил его Клинк. Камбр рассеянно кивнул.

– А где Топу?

– На кухне. Что-то там дорезает, не знаю уж что.

– Как он?

– Нормально. Ногу перевязали, ввели антидот, обезболивающие. У Тронкла оказался клей, так рану заклеили. Завтра он о ней и не вспомнит. Классная это вообще штука – клей...

– Ага... А как он, на Трепла сильно злится?

– Ну, не знаю... Сначала-то вообще убить хотел, а сейчас вроде ничего, отошел.

– Ладно, – Камбр скинул комбинезон и прошел в маленькую кухоньку, где все еще колдовал Топу.

– О, явился, – заулыбался Топу. – Очень хорошо, а то все есть хотят, тебя ждут. Ну как дела-то, удачно?

Камбр махнул рукой:

– Полный провал, только вымотался.

– Ничего, – Топу сочувственно поцокал языком, – бывает. А меня вон Трепл подстрелил. Тоже, знаешь ли...

– Представляю, – вздохнул Камбр. – Очень было больно?

– Ну не то чтобы, но обидно, аж жуть. И главное, только я прицелился хорошо, ну, думаю, этот мой будет, только я... как вдруг!.. Ну я прям не знаю! Этот Трепл! Хуже балбеса, ей-ей!..

– Ладно уж, Топу... ты на него не сердись очень-то... Он сейчас в сарае мерзнет, боится... Все ведь обошлось... А? Пусть уж он придет? Руфус за ним присмотрит...

– Присмотрит... этот Трепл, за ним глаз да глаз... он того гляди всех тут перебьет, диверсант.

– Топу, он же голодный... и замерз там в сарае. А если звери проснутся? Серебрянка, хоть и связанная, все же серебрянка... И потом, ты ведь знаешь Трепла. Его лучше одного не оставлять. Не будет же Руфус с ним всю ночь сидеть.

– Голодный... холодный... и серебрянка... Ладно уж, пусть идет, а то и вправду... – и Топу махнул рукой.

Обрадованный Камбр выскочил на крыльцо.

– Эй, где вы там? Выходите! Убивать не будут, я все уладил.

– Ну наконец-то, – из-под крыльца вынырнул Руфус, таща за собой упирающегося Трепла. – Я думал, ты там уснул.

– Ты что, разве уснешь, такой стол... Быстрее заходите, холодно же. Трепл, сядешь возле Руфуса. И смотри мне, без фокусов. Я тебя больше спасать не собираюсь. Так всю ночь в сарае и проведешь. Понял?

– Понял-понял, – кивнул Трепл, собирая снег с перил и накладывая этот холодный компресс на восхитительный темно-лиловый синяк под глазом. – Ты, Камбр, не беспокойся, все будет динь-динь. Уж я-то не подведу, уж я-то ни-ни... Я даже думаю...

– Вот это меня и беспокоит, – пробормотал Камбр, и вся троица ввалилась в комнату.

– Ну наконец-то. Теперь можно и к столу. Рассаживайтесь, рассаживайтесь, – выскочил Топу из кухни, снимая на ходу фартук и стараясь не смотреть на Трепла. – Или кому-то нужно особое приглашение?

Сторонников соблюдения этикета не нашлось. Все быстренько расселись за обширным манящим, источающим сладчайшие ароматы столом. Топу и Чоли Тронкл принялись откупоривать и разливать напитки. Остальные взялись за закуски.

Камбр, потеряв руки и поцокав восхищенно языком, быстренько соорудил на тарелке чудненький винегрет из куска свернутого спиралью флякуса, пары кусочков колбасы (он выбрал треугольник и полумесяц), ложки ключиков, двух зажаренных до хруста плюшек и горстки строганины. Все это он украсил ломтиками хлюпса вперемешку с отфирским и мабрским сырами, а сверху водрузил кусок копченого друбла. Жалко, места на тарелке не осталось, а то он бы еще чего-нибудь положил. Руфус, не любитель мешанины в тарелке, посчитав, что еды много, а ночь длинна и уж попробовать-то он наверняка все успеет, ограничился флякусом. Треплу приглянулись ключики. Клинк, мэр и Топу отдали предпочтение рагу, а Нойк – фруктам. О напитках долго не размышляли. В Тамаизе начинать принято с пружинной водки, а уж потом пьют кому что нравится.

Итак, мэр провозгласил первый тост «За удачную охоту», все выпили, и вечеринка пока-тилась.

– А хороши бряклики, – после некоторой паузы заметил Руфус. Все дружно подтвердили «хороши», и Топу зарделся от удовольствия. Брякликов он отбирал сам и как истинный художник терзался сомнениями.

– Ну что ж, – поблескивая глазами и сияя от заслуженных похвал, Топу оглядел стол, – как говорил мой славный прадедущка Якель, между первой и второй перерывчик небольшой.

– Давайте, – поддержал его мэр. – Кому что налить?

– «Мистера Хайда», – потребовали в один голос все, кроме Нойка. Тот еще не пришел в себя после пружинной водки: бессмысленно глядя в пространство и подпрыгивая на стуле, он методично запихивал в рот дольки синов и, похоже, проглатывал их даже не жуя. Клинк внимательно поглядел на Нойка и предложил дать ему в качестве противоядия «Доктора Джекилла».

– Он ведь из Сайды, – оправдывая гостя, пояснял Клинк. – У них там пружинную водку не пьют. Непривычный он. Надо бы его полечить, а то кто знает, как она на него подействует. Вдруг бузить начнет, хуже Трепла.

– А что я-то? – встрял возмущенный Трепл. – Чуть что сразу я! Если я один раз в «Крылатом тупле» зеркало разбил, то вовсе не значит...

Топу нехорошо посмотрел на Трепла, и Руфус, уловив этот взгляд, сразу засуетился, дернул Трепла за руку и прошипел:

– Сиди, помалкивай.

И сразу завопил, стараясь переключить внимание Топу и перекричать остальных:

– Конечно, надо его полечить. Камбр открой скорей бутылочку «Джекилла», сидишь, будто тебя и не касается.

– Ем я, чео прифтал, – огрызнулся с набитым ртом Камбр, но бутылку открыл и, налив зеленоватый пенящийся напиток в бокал, передал его Клинку.

Тот осторожно влил содержимое бокала в Нойка. Гость из Сайды перестал подпрыгивать, огляделся и хрипло произнес:

– Где я?

– Ну вот, все и в порядке, – удовлетворенно заметил мэр, разливая всем напитки. – Слабак ты, Нойк, против нашей пружинной водки. Этак «Мистер Хайд» тебя совсем доконает. Он ведь покрепче будет. Налью-ка я тебе «Звездного мальчика».

– Точно, – заметил Камбр, посасывая ключик, – налей, а мне – «Шизнутого кролика». Люблю я эту мерзость.

– Второй тост пьем за дружбу, – предложил Руфус, поглядывая на Топу.

Топу поморщился, но тост принял, и все, радостно галдя, выпили за дружбу. Потом еще пили за крокозяблов, серебрянку, Трепл было предложил пить за каждую серебрянку лапу (у нее их шесть), но решили, что это уже чересчур. Пили за мэра, мэрию, Шару, Сайду и дружбу между народами и еще бог знает за что. Говорили уже все вперемешку, кто о чем, мало слушая друг друга...

– ...Вот ты представляешь Руфи, я то-о-олько лук натянул, и... ветер, как назло. А этот большой-то, по всему видно вожак, он их, похоже, пас. А?..

– ...А в Сайде готовят рагу из спичек?

– Да, только кладут туда побольше стуку и много-много чицы, но не сизой, как у вас, а розовой.

– Интересно...

– ...Господин Тронкл, удалось так лихо подстрелить серебрянку? Жаль, что меня там не было, какое бы фото могло получиться...

– Ну что вы, господин Трампель (господин Трампель – это Трепл, если кто-то не в курсе), ничего особенного, уверяю вас. Она попыталась прыгнуть на меня с дерева, по счастью господин Дринкл оказался рядом и предупредил. Положить вам кусочек друбла?

– Благодарю вас...

– ...Камбр, что у тебя нового? Я тут видел на днях Берри Струпника, но он ничего толком не сказал. Что-нибудь пишешь?

– Да ерунда, так...

– ...Говорят, Тарика Зой приезжает?

– Куда? К нам?!

– Я точно не знаю, вроде, у нее гастроли. Барьи, Тамаиза, Саламар, Яка, ну и так далее. К нам заедет.

– Да что ей делать в нашей дыре. Она, небось, в Тамаре один концерт даст и все.

– Ну не знаю, за что купил...

– ...А не выпить ли нам еще по одной...

– ...совсем дурной...

– ...налей ему, налей, а то...

– ...ну что ты, Треплик, не плачь, давай выпьем...

По мере того как напитков становилось меньше, речи становились все невнятнее и отрывистей. Охотники начали разбредаться по креслам. Нойк заснул прямо за столом, и его не стали тревожить. Последними (все вокруг уже спали) из-за стола вылезли весьма нагружившиеся мэр Чоли Тронкл и Руфус. Они в обнимку доползли до свободных кресел, вытянувшись насколько это было возможно по стойке «смирно» торжественно исполнили гимн Шары и «Храни, Богиня, Тамаизу», после чего, рухнув в кресла, пожелали друг другу спокойной ночи и погасили свет. Руфус, правда, перед тем как окончательно отключиться, вспомнил, что не

выкурил последнюю трубку, но сил встать уже не было. «Ладно, – подумал он, – завтра, уж завтра точно...», и погрузился в сон.

Камбр проснулся, когда на дворе еще было темно. Голова трещала кошмарно, перед глазами плыли круги, и вообще, казалось, будто кто-то взял его да и подвесил вверх ногами, хорошенько измолотив при этом. Мысли прыгали чекаляшками, ускользая от сознания едва успев возникнуть, багровые шары перед глазами плыли и лопались с тихим плеском, мешая сосредоточиться...

Он долго соображал, кто же это переставил всю мебель в комнате и зачем, потом вспомнил про ненавистную поэму, попытался подняться, но тело бурно запротестовало, и Камбр без сил рухнул обратно в кресло.

– Святой Ключник, – застонал он, хватаясь за голову, – зачем же я так надрался!..»

Ответа, однако, не последовало. Рядом раздавалось мирное сопение Топу, а с другого конца комнаты – богатырский храп Руфуса. Стеная и держа обеими руками голову, чтобы не оторвалась ненароком и не ускакала на край света (ищи-ка ее потом), Камбр вдруг вспомнил, что рядом, в двух шагах от его кресла стоят бутылки с «Доктором Джекиллом». Стараясь делать как можно меньше движений, он попытался дотянуться до спасительного снадобья.

С первого раза упражнение не получилось, вызвав лишь дополнительную порцию страданий. Вернувшись в исходное положение и слегка отдышавшись, Камбр мысленно вознес молитву святому Ключнику, покровителю пьяниц и чревоугодников, и попробовал снова.

На сей раз попытка увенчалась успехом, и Камбр завладел вожделенной бутылочкой. Дрожжащими руками он открыл ее и припал к узкому горлышку, как погибающий от жажды путник, внезапно нашедший оставленную для него провидением фляжку, полную воды.

Разумеется, «Доктор Джекилл» немедленно оказал свое целительное действие. Ощущение перевернутости вниз головой исчезло, красные круги рассеялись, а голова обрела столь необходимую ясность настолько, что Камбр вспомнил, где он, что с ним и даже почему...

Вдобавок он вспомнил о крокозяблах и серебрянке, оставленных в сарае, и решил пойти взглянуть на славную добычу. Да и организм его настоятельно требовал свежего воздуха.

Быстро, насколько это было возможно в его состоянии, одевшись и стараясь не шуметь и не будить остальных, Камбр выскочил во двор.

Белые пушистые снежинки медленно кружились в воздухе, потихоньку покрывая землю, крыльцо, крышу сарая, обступившие сторожку скалки тяжелым пуховым одеялом. Ветер дремал, убаюканный снегом. Прекрасное аметистовое небо закуталось, как в шубу, в густые серо-черные облака, и не видно было сквозь них ни звезд, ни красавицы Оды. Оттого ночь казалась еще темнее и непрогляднее. Для Хайаны же облака вовсе будто и не существовали. Невидимые лучи ее пронизали все вокруг, заставляя падающие снежинки сверкать и переливаться. Снежно-белый ковер становился то фиолетовым, то бледно-зеленым, будто таинственные тени пробегали по небосклону, отражаясь в перине, укутавшей землю.

Камбр спустился с крыльца, оставляя на девственно-чистой поверхности четкие следы, и направился было к сараю, но организм его, вновь возжелавший самостоятельности, воспротивился, так что с крокозяблами пришлось повременить, а вместо этого посетить уютный чуланчик, пристроившийся рядом.

В чуланчике он пробыл некоторое, довольно продолжительное, время, оглашая округу различными трудноописуемыми звуками, которым, пожалуй, позавидовал бы даже бронтокрякл, случись ему прогуливаться неподалеку. Наконец, организм почувствовал себя вполне сносно и позволил своему хозяину покинуть сей уютный кабинетик, оснащенный, надо сказать, по последнему слову силизендской сантехники.

Уже совсем трезвый и вполне пришедший в себя Камбр вошел в сарай. Тишина и темнота, окружавшие его, стали почти осязаемыми. Он отыскал на стене выключатель, повернул

его, при этом сарай озарился бледным дрожащим синеватым светом, называемым почему-то всеми дурканами дневным, и застыл как громом пораженный. В сарае, кроме тапок, беспорядочно сваленных в кучу, и большого ящика с инструментами, НИЧЕГО НЕ БЫЛО.

Минут пять Камбр тупо созерцал пустой сарай и обрывки веревок на полу, а затем вопя: «Караул!!! Ограбили!» – помчался в сторожку.

– Вставайте! Караул! Они сбежали! – кричал он, расталкивая сонных охотников, вливая в глотки «Джекилла» и поливая всех ледяной водичкой из ковша.

Проклятия посыпались на него отовсюду, но Камбр не унимался, и наконец ему удалось не только разбудить всех, но и привести в чувство, а как только смысл его воплей дошел до охотников, остатки похмелья сняло как рукой.

Полуодетые они вывалились из сторожки и, толкаясь, скользя и падая в свежий пушистый снег, понеслись к сараю в надежде, что это всего лишь глупый розыгрыш или Камбру спьяну что-то привиделось.

Увы! В сарае действительно никого не было. Добыча ускользнула, оставив лишь разорванные в клочья веревки, а снег, что шел всю ночь, засыпал все следы.

Уныло и бестолково толклись они в сарае потерянные и опустошенные. Клинок даже опустился на корточки и погладил то место, где прошлым вечером лежал его крокозябл, как будто это могло вернуть добычу. Руфус со злости пнул кучу тапок, они с грохотом разлетелись по всему сараю, и тут мэр сказал, показывая на стену,

– Посмотрите-ка сюда, господа, что это?

На стене чем-то острым (гвоздем... или когтем?) с ужасными грамматическими ошибками было нацарапано:

«Прявет ат краказяблав!

Шер».

И четкий отпечаток лапы.

Они посмотрели на друг на друга, на надпись и... дружно заржали. Получилось так громко, что устроившаяся было на дневку на крыше сарая большая черная баранка испуганно крякнула и полетела прочь искать место потише.

Вот так и закончилась эта охота...

Нойк на следующий день улетел в Миску, а оттуда в Сайду, но обещал Клинку обязательно приехать еще раз. Мэр Чоли Тронкл не забыл про картину и договорился с Артом Артинсоном о ее реставрации. Арт, осмотрев картину, пообещал, что к лету она будет лучше прежнего. Клинок увлекся сайдистским языком и на все лето уехал в Миску на ускоренные курсы. Топу создал кулинарный шедевр: шоколадный торт под названием «Охота на крокозябла», ставший тут же необычайно популярным. Трепл выпустил книгу воспоминаний «Как мы с мэром Чоли Тронклом охотились на крокозяблов», в которой мэр подвергался нападениям злобных и коварных крокозяблов, а он, Трепл, мужественно его защищал. Руфус помирился со своей подружкой и к карнавалу подарил ей костюм крокозябла расшитый аметистами. Люка пришла в восторг, расцеловала Руфуса и обещала, что не бросит его никогда-никогда.

А что же Камбр? О, Камбр, вернувшись домой, дописал-таки свою поэму. Она получилась боевой, патриотичной и лиричной, как и заказывали, а заканчивалась знаменитыми словами, вошедшими ныне во все хрестоматии по литературе:

Враги сильны, но танки наши быстры,

И Шару ни за что не победить!

Пусть злобный Мабр

Коварно сеет козни,

Истории ему не изменить!

Поэму отправили в Миску, и она там так понравилась, что Камбра тут же выдвинули на соискание Государственной премии. И ему эту премию даже присудили, вот только денег

пока не дали. Сказали, что в связи с тяжелым финансовым положением... Но зато уж в следующий-то раз – непременно!..

Глава 6. Как Камбр отправился на поляну фей и влип в приключение

Первый день лета в Мукезе всегда встречали звоном колоколов. Считалось, что колокольный звон окончательно прогоняет морозы, а, кроме того, первый день лета совпадает с праздником фей, и каждый мукезец считал своим долгом умиловить фей, принеся дары и позвонив в колокольчик. Ведь известно: улыбка феи приносит в дом удачу, тогда как хмурый или косой взгляд не сулит ничего хорошего.

В этот же день в Мукезе обычно устраивался грандиозный карнавал, на который съезжались все окрестные феи, глюки и привидения. В лучшие годы на праздник прибывали мороки, фурии и даже заморские джинны, и тогда в городе начинало твориться нечто совершенно невообразимое. Эх, где они, лучшие годы!

С переименованием города летние карнавалы попытались запретить, заменив их демонстрациями, однако жители Мукеза относились к феям с таким почтением и любовью, что с запретом смириться не пожелали и, выбрав красивую поляну лигах в десяти от города (как раз в том месте, где тигровый лес плавно переходит в вечносиний скальник), перенесли карнавалы туда.

Поляна фей, как прозвали ее в народе, была даже на самый придирчивый и искушенный взгляд великолепна. С трех сторон окруженная, будто стеной, зарослями тигрошника и скалки, с четвертой она ограничивалась красивейшим Синеглазым озером. Хрустальный ручей сверкающим шумным каскадом сбегал к озеру по одному из склонов. В центре поляны на естественном возвышении, этаким взгорке, рос громадный листотряс. Сама поляна, огромная, ровная, как стол, вся поросла нежнейшей лайкой (ее еще называют травой счастья), свистящим горошком, тигровым зевом и колокольчиками Хайаны – бледно-серебристыми полупрозрачными цветами, издающими сладостный призрачный звон.

На взгорке вокруг листотряса обычно располагались оркестры и ансамбли, коих в Мукезе всегда было великое множество. А на вершине листотряса устанавливали эстраду в виде летящей длинношей лейки, на которой всегда выступали съезжавшиеся по случаю праздника многочисленные мукезские, тамарские, симбайские, а иногда даже мискские и леденцовые актеры.

День фей начинался обычно с колокольного звона (уж его-то никто никогда не запрещал, да и не мог запретить при всем желании). Ранним утром с первыми лучами солнца дружно распускались любимые мукезцами и потому в изобилии растущие по всему городу колокольчики Хайаны, наполняя округу нежнейшим призрачным звоном. «Дили-дили-дили», пели колокольчики, и разбуженные ими, разряженные по случаю праздника жители славного града Дурму-нурзада выходили на балконы и высовывались из окон с приветствиями и пожеланиями счастья, звоня при этом что есть мочи в колокольцы-погремушки, обереги, дверные колокольчики и вообще во все, что могло услаждать слух мелодичным звоном.

Поднимался невообразимый шум, который постепенно преобразовывался в мелодию народной песенки «Вот фея к нам пришла», и тогда к общему многоголосому хору колокольчиков, колоколец и колоколов присоединялся зычный бас Большого Дона – старинного колокола на сторожевой башне.

Получалось очень мило: «Вот фея к нам пришла», – вызванивали тысячи колокольчиков. «Донн, – подхватывал Большой Дон, – потанцуем вместе мы, дили-дили-донн». «Счастье в дом наш принесла», – радовались колокольчики. «Донн, потанцуем вместе мы, дили-дили-донн», – басил Большой Дон. И все жители Мукеза и окрестностей радовались вместе с колокольчиками и повторяли про себя снова и снова: «Потанцуем вместе мы, дили-дили-дон».

Отзвонив приветственную песню, мукезцы откладывали колокольчики, доставали припрятанные специально для этого случая подарки и... Феи тут же появлялись в каждом доме,

благосклонно принимая дары. Тот, кто вручал подарок, мог загадать одно желание. Самое невинное, разумеется. И к радости всех присутствующих оно немедленно исполнялось.

Город наполнялся удивительными ароматами. В небо взметались тысячи разноцветных шаров, превращаясь затем в диковинных птиц. Над городом клубились разноцветные тучки. Из синих и зеленых сыпался золотой дождь, а из розовых и фиолетовых – зефир в шоколаде и сливочные тянучки. В печках возникали чудесные лакомства, в вазах великолепные цветы или фрукты, кому что больше нравилось. Дети с визгом носились по улицам, собирая конфеты и печенье и голося во все горло «Вот фея к нам пришла...» и «Спасибо, спасибо...».

Все утро в городе царило ликование. Обычный завтрак превращался в маленькое пиршество. Затем горожане доставали карнавальные костюмы, брали музыкальные инструменты, еду, детей и, кто на велодрывах, а кто пешком, отправлялись на поляну фей. Там-то и проходило основное веселье.

Так было всегда, и никакие веяния, указы, а тем более приказы из Миски не могли ничего изменить. В конце концов, мискские власти махнули рукой на непокорных дурмунурзадцев с их карнавалом, решив: пусть все идет, как идет. Славные же жители Дурмунурзада были только рады, что их оставили наконец в покое.

В этом году первый день лета отмечался с небывалой пышностью. Погода стояла отменная, как на заказ, настроение у всех было прекрасное...

Камбр, хоть и не большой любитель буйных празднеств, на сей раз тоже захотел развеяться и посетить поляну фей. Посему он натянул на ухо ярко-малиновый берет, украшенный радужным пером из хвоста гамбургского петуха, нацепил зеленую жилетку и желтые в коричневую клетку брюки и вышел из дома. Весь народ уже схлынул, город был пуст, как коробка из-под конфет.

Пройдя по разукрашенной лентами Мискской и свернув к площади Конформистов, Камбр немного полюбовался собором, который неизвестные художники по случаю праздника разрисовали чертиками, драконами и фуриями, послал воздушный поцелуй стрельчатыми окнам Дворца Разногласий, пошарил немного в каменной чаше возле фонтана Пчелки и, найдя горстку леденцов, чудом уцелевших от прожорливых мальчишек, сунул один в рот. Потом на глаза ему попала серебряная монетка. «Вот и прибыль, – подумал он, – отлично, куплю на поляне банку бирры и свистульку, повеселимся!» Свернув в переулок, он неожиданно нашел в куче серпантина и конфетти еще одну монетку. На сей раз золотую.

– Ого, – присвистнул он, подкидывая монетку в воздух, – ящик бирры и танцы до упаду. Пожалуй, останется еще и на шоколад.

Он напился из фонтанчика возле шикарного особняка Чиру Пеи – местного финансового воротилы – и решительно направился к космопорту.

Центральное шоссе было пустым, весь народ уже давно прошел и проехал, оставив после себя разбросанные по обочинам ленты, конфетти и серпантин, шуршащими змейками перекачивающийся с одного края дороги на другой и путающийся под ногами. Камбр шагал в гордом одиночестве, предаваясь мечтам о том, как он познакомится с феей и протанцует с ней всю ночь (вещь практически невозможная: феи знакомства с дурканами всячески избегают, что же до танцев с ними, так это вообще из области фантастики).

Подставляя лицо теплему ветру и приветственно махая шляпой пролетающим мимо сциллам, он весело распевал во все горло «Мечты, мечты...» и чувствовал себя счастливейшим дурканином на всей Силизенде. Он уже прошел полдороги, когда его нагнал старый дребезжащий велодрыв, груженный сверх всякой меры.

Некоторое время велодрыв тащился следом, почему-то не желая его обгонять, хотя Камбр вежливо сошел на обочину, давая возможность столь робкому средству передвижения проехать вперед.

– Э, да это же Камбр! – неожиданно услышал он и обернулся. Круглое улыбающееся лицо водителя и вздернутый нос показались ему удивительно знакомыми.

– Ба! Месс Твоклик?! Откуда?

– Из Миски, – велодрын поравнялся с Камбром и поехал рядом. – На карнавал едем. Ты тоже туда? Так давай к нам. Цепляйся за поручень, подвезем.

«Надо же, Месс Твоклик! – думал Камбр. – Сколько же мы не виделись? Лет двадцать, пожалуй. Как после школы в Миску уехал, так и пропал. А тут надо же!..»

Вообще-то Камбр с Мессом в школе не ладили. Тот при случае всегда был рад подставить подножку или вместо чернил налить в чернильницу клея, за что частенько бывал бит. Твоклик вообще слыл в школе мелким пакостником, но, похоже, все это ушло в прошлое. Камбр встрече обрадовался, предложение ему показалось заманчивым. Кивнув, он встал на свободную подножку и прицепился к багажнику.

– Знакомься, – радостно завопил Месс, выруливая на середину дороги, – рядом со мной Доган, на заднем сиденье Итис, моя подружка, рядом с ней Белал, правда, красавица? А на подножке Тойтик.

Тойтик помахал Камбру рукой и расплылся в счастливой улыбке.

– Рад познакомиться, – пробасил он, – всегда мечтал пообщаться с таким известным поэтом.

– Ну уж, известным, – засмутился Камбр.

Тут велодрын подпрыгнул на кочке, и Камбр вместе с Тойтиком одновременно щелкнули зубами. Это получилось до того громко и слаженно, что девицы зафыркали в кулачки, а Камбр и Тойтик расхохотались во все горло. Смущение первых минут знакомства улетучилось, и Камбр почувствовал себя в этой компании свободно, будто знал их всю жизнь.

Девушки действительно оказались очаровательными созданиями, особенно Белал.

– Очень приятно познакомиться, – медленно, чуть нараспев проговорила она, поправляя платиновые локоны.

– Очень, – Камбр крепче ухватился за поручни и попытался выжать из себя улыбку. Белал была слишком красива. Слишком...

Итис как любезная хозяйка, мило улыбаясь, начала расспрашивать его о жизни в Мукезе. И при этом проявила такую осведомленность, что Камбр даже поинтересовался, нет ли у нее здесь родственников? В ответ Итис, звонко рассмеявшись, указала на Месса, заметив, что он неисчерпаемый источник ее знаний, и тут же заговорила о столичной жизни, а затем плавно переключилась на погоду и праздник фей.

Завязалась непринужденная беседа. Камбр, почувствовав себя в ударе, беспрестанно острил, Итис и Белал хохотали, Тойтик отпускал глубокомысленные замечания, а Догги громко читал путеводитель по Тамайзе. Один Месс не принимал участия в общем веселье. Он был за рулем.

Управлять подвыпившим велодрыном – занятие, прямо скажем, затруднительное. Этот же был явно навеселе, его тянуло на подвиги, и Месс с трудом сдерживал разошедшийся агрегат от слишком уж рискованных действий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.